

ЭУДЖЕНИО ПОКИНИ

Пиратская кровь

Eugenio Pochini

Пиратская кровь

Аннотация

Золотая эпоха пиратства. Джонни проводит свое детство в Порт-Ройал, переулки которого полны авантюристов, головорезов и женщин с плохой репутацией, ищущих удачу среди таверн и пристаней. Однажды парень узнает о существовании таинственного сокровища... И все неожиданно меняется в его жизни. Попав в экипаж ужасного пирата по имени Черная Борода, Джонни предстоит выпутываться из тысячи ловушек, выживать в кровавых рейдах, среди злых представителей диких племен и неясных предрассудков, подвергая риску свою жизнь и стараясь исполнить предназначения своей судьбы.

Содержание

Содержание	6
РЕЦЕНЗИЯ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.	8
ПРОЛОГ	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	17
ГЛАВА ПЕРВАЯ	18
ГЛАВА ВТОРАЯ	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	78
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	107
Конец ознакомительного фрагмента.	129

ЭУДЖЕНИО ПОКИНИ

Пиратская кровь

Eugenio Pochini

Содержание

РЕЦЕНЗИЯ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

ПРОЛОГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТЬ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЭПИЛОГ

ГЛОССАРИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

БЛАГОДАРНОСТИ

замечания

Оригинальное название: *Sangue Pirata*

Автор: Эудженио Покини

Обложка: Паоло Марторано

Перевод: Екатерина Спирина

Воспроизведение текста, в том числе частично, запрещено законом.

История является вымышленной. Все персонажи, имена, события и сцены придуманы автором. Любые совпадения с историческими фактами или историческими персонажами, как прошлыми, так и настоящими, являются случайными.

Кьяре Дж.

Я выполнил свое обещание.

РЕЦЕНЗИЯ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Ощущения от книги остались очень противоречивые, что вызвано, как самими героями, так и всем происходящим. А что можно ожидать, если главный герой – пират, причем без прикрас?

Хотя нет, конечно, главный герой – это парень по имени Джонни, но он тоже не отличается однозначностью, потому что иногда он действует, как взрослый человек, а иногда – как нелогичный ребенок, решения которого невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла.

Но, на мой взгляд, главным героем здесь все же является Черная Борода. При первой же встрече он притягательный отталкивающий одновременно. Но потом, несмотря на все жестокости, которыми пропитаны кровь и поведение пирата, к нему почему-то начинаешь проникаться симпатией. Автору удалось оставить его беспощадным морским разбойником, но при этом сделать из него чуть ли не положительного героя.

Что касается сюжета, то он соответствует жанру и выбранной теме: показана жизнь на пиратском корабле, морские сражения, подлость, предательство. Также в сюжет вплетено немного фэнтези, потому сражаться в море приходится не только с себе подобными существами, но и с мифическим драконом. Считаю это интересным авторским ходом.

Общее впечатление от книги – интересно и увлекательно, но местами жестко, жестоко, хотя этого требует выбранная тема.

ПРОЛОГ

Когда проходишь под аркой, ведущей в храм грез, там, именно там, видишь море...

ЛУИС СЕПУЛЬВЕДА

Дождь лил, громко стуча по палубе корабля и ударяясь о парус, проникая во все щели корабельного корпуса. Это продолжалось уже с тех пор, как они обогнули берега Флориды.

Неожиданно Сэмюэль Беллами яростно выругался. Он оставил в покое свои черные усы и выглянул из окна каюты. Он с трудом видел океан, погруженный в непроглядный туман. И это было совсем не то, что он ожидал увидеть, когда Эмануэль Винн предстал перед ним в крошечной гостинице в порту Нассау. Ему понравились решительность и эксцентричность француза даже после того, как тот рассказал ему историю об острове, который искал пират Черная Борода. Они смеялись, потягивая ром... Но когда Винн убрал со лба длинные волосы, Беллами замер. В левом глазу светились мрачные искры, и Беллами был убежден, что пират не был таким безумцем, каким казался.

Отплытие было организовано за десять дней благодаря финансовому вмешательству губернатора Ямайки. В пути они не встретили ни одного неприятельского корабля, их не накрыла непогода, которая могла бы подвергнуть риску весь экипаж.

И вот сейчас их настиг этот дождь!

Непрерывный и нескончаемый.

Не говоря уже о тумане. Все было против них, будто океан убеждал их повернуть назад.

– Эта история нервирует меня, – сказал Беллами, поворачиваясь к штурману.

– Я это хорошо понимаю, – ответил тот. Он с живым интересом изучал мореходные карты.

– Экипаж начинает нервничать.

Он поднял глаза и взглянул на непогоду, бушующую снаружи.

– Ты очень легко поверил словам француза. Он не достоин такого доверия. Предателей сложно обнаружить, даже если они среди нас.

– Доверяем мы или нет, – произнес Беллами, – мы все равно не можем вернуться назад.

« А если бы ты увидел своими глазами, – добавил он мысленно, – ты поверил бы в истинные намерения Винна. Я изъездил Карибские острова вдоль и поперек, и никогда не сталкивался с чем-то подобным... »

Невероятно, надо сказать, но его мысль прервалась криками, донесшимися с палубы. Они были настолько громкими, что смогли перекрыть шум бури.

– Караульный сорвет голос, – заметил боцман, не сильно смутившись.

– Помолчи, – заткнул его Беллами и распахнул дверь. Тя-

желые крупные капли дождя хлестали его по голове и плечам. Он прикрыл лицо руками, стараясь разглядеть, что происходит. Экипаж собрался у мачты, подняв лица вверх в спазматическом ожидании.

– Земля! – продолжал кричать мужчина на марсе. – Прямо по курсу!

Все помчались вперед, на носовую часть корабля, будто армия, готовая к атаке. Наиболее смелые свесились за борт, крепко вцепившись в поручни, чтобы противостоять ветру и качке корабля. Беллами направился вперед, отдавая приказания и расталкивая людей. Подойдя ближе, он прикрыл глаза и лицо рукой.

Ничего.

Никакой земли не видно.

– Я задаюсь вопросом, как можно видеть что-либо в такую погоду, – раздался флегматичный голос боцмана за его спиной. Он шел за ним следом, оставаясь незамеченным.

Капитан хотел ответить ему, но воспоминание о первой встрече с Винном ясно всплыло в мозгу, будто отражение солнца в неподвижной зеркальной глади воды.

– Ты не должен никому раскрывать моего секрета, – сказал боцман капитану. – Иначе кончишь так же, как Эдвард Тич.

– А что с ним приключилось? – спросил Беллами более чем подозрительно.

Ответ прозвучал в форме одного простого слова: мятеж.

Среди всех преступлений, которые может совершить морской разбойник, этот считается самым тяжелым.

– Где? – заорал Беллами, поворачиваясь к караульному. – Ничего нет, Эмануэль. Ты уверен?

Караульный размахивал руками, показывая вперед. Волосы его были взъерошены ветром, а чрезмерная худоба делали его похожим на одного из страшных монстров, которыми полны рассказы старых моряков.

– Прямо по курсу, – повторил Винн. – Смотрите!

Беллами заметил, что и остальные смотрят в указанном французом направлении. Он тоже попытался разглядеть что-либо и некоторое время спустя заметил сквозь шторм, за туманной мглой резные склоны острова. Но там было что-то еще. Около первого силуэта стоял второй. На мгновение он подумал, что это могло быть их конечным пунктом.

– Мы прибыли! – воскликнул он удовлетворенно и принялся снова разглядывать пейзаж, спрашивая себя, какие небесные силы сделали его таким нереальным. Затем снова посмотрел на Винна. Он был поражен, увидев, что тот поспешно спускается с марса, повиснув на канатах, словно обезьяна, которая бежит от хищника. И он удивился еще больше, когда увидел, как тот понесся к кормовой каюте, крича, словно помешанный:

– Капитан!

Боцман с силой схватил его за плечи, и тот мгновенно развернулся, обеспокоенный больше интонацией его голоса,

чем самым жестом.

Силуэт, который они разглядели, скользил сквозь туманную мглу, приближаясь к ним. Но корабль не шел на полной скорости благодаря ветру, который дул в противоположном направлении, и парусам, которые потяжелели от дождя. А потом произошло нечто, что повергло Беллами в шок. Размытая картинка, которую различали его глаза, погружалась в угрюмое бульканье в глубине этого штормового моря.

– На борт! – крикнул кто-то.

Беллами бросился в указанном направлении, пытаясь понять, что происходит. Вода кипела в нескольких лье, а под ней некий объект непонятной формы двигался в направлении корабля, оставляя за собой длинный пенистый след.

– Он движется на нас! – завопил он, поняв в тот момент, что должен взять контроль над кораблем в свои руки, потому что он был уверен, что рулевой ничего не видел. При такой отвратительной погоде кто угодно не видел бы ничего дальше собственного носа.

Достигнув капитанского мостика, Беллами схватился за румпель за миг до того, как «Уида» содрогнулся от сильного толчка. Он попытался увернуться влево, но был отброшен к краю борта и упал, судорожно лоя ртом воздух. Остальная часть экипажа роилась по судну, вопя и прося прощения.

Сэмюэль Беллами оставался на ногах, даже когда мощная стена воды поднялась над правым бортом, ревя и гремя, будто буря, за которой они охотились. Последовал новый контр-

удар, и киль скрипнул. Рейки лопнули. Грот-мачта накренилась на бок. Тросы дернулись. С ужасом, воспламенившимся в его глазах, он наклонился над перилами: корабль поднялся перпендикулярно своей оси, движимый мощной силой. Океан за бортом кипел и дрожал в непрерывном водовороте.

Все происходящее развивалось очень быстро.

«Уида» вздрогнул, прежде чем развалиться на две части. Главная палуба распахнулась, словно огромный рот, поглощающий незадачливых моряков. Затем носовая часть отделилась от корпуса и упала в воду. Раздался сухой треск, частично заглушаемый шумом на заднем фоне. Корма начала крениться в противоположную сторону. Беллами схватился за трос и обнаружил, что висит на кончике флагштока бизани. Он попытался влезть на стенгу бельведера. Канат, ставший ненадежным и скользким, обдирал ладони. Но его это не волновало. Забравшись наверх, он выиграл время, чтобы подумать о том, как броситься в море, принимая во внимание, что этот прыжок будет фатальным. Хуже того, погружение судна под воду, приведет к тому, что оно потянет его за собой. Однако его размышления были короткими. Он распахнул широко глаза, а сердце резко остановилось.

Через прозрачную стену, окутывающую корабль, он различил циклопическую форму, которая возвышалась над остатками того, что когда было «Уидой». Шум, который сопровождал крушение носовой части, усилился, и он узнал гортанный звук угрожающего рокота. Потом рокот стал

скрежетать, и это скрежетание превратилось в рев. Беллами ясно различил охристую радугу, в центре которой вспыхнул кроваво-красный глаз.

И он пристально смотрел на него.

Он был огромным.

В последний момент жизни Беллами созерцал эту ужасную картину. Под его ногами корабль крошился на куски, навсегда погружаясь в загадочные бездны Дьявольского Треугольника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мы претендуем на то, чтобы жизнь имела смысл. Но жизнь имеет тот смысл, который мы сами ей приписываем.

ГЕРМАН ГЕССЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОРТ-РОЙАЛ

Джонатан Андервуд приоткрыл веки, несмотря на то, что сон все еще сковывал его тело. Мысли начали медленно проплывать в голове, будто капли на поверхности матового стекла. Через единственное в комнате окно проникали лучи солнца, косыми линиями падая на пол и освещая пылинки, виднеющиеся в световых полосах.

Он жил со своей матерью в комнате на втором этаже разрушающегося жилого дома, каких было много в нижней части города. Гостиница «*P á ssaro do Mar*» под ними принимала клиентов до глубокой ночи, потому он засыпал, убаюканный доносящимися оттуда смехом и гамом. Однако, как это часто случалось, когда он находился в этой пограничной фазе между сном и бодрствованием, он размышлял о том, что уснуть ему мешали не крики, а любопытство к историям, рассказываемым завсегдатаями.

Он родился и вырос в городе, который многие считали самым богатым и пользующимся самой дурной репутацией в мире. И его мать Энни никогда не теряла возможности напомнить ему об этом. Но у него ни разу не возникло серьезных проблем. Он только немного хвастался... что было нормально для его возраста. Но если послушать его мать, то мир

был опасен, а Порт-Ройал – еще опасней.

– И это тоже зовется цивилизацией, – однажды сказал ему отец. – Только здесь она имеет другую форму. И ты должен ей соответствовать, Джонни.

Он решил, что пора вставать. Направившись к окну, он на миг остановился посреди комнаты, чтобы поправить трико, которое соскользнуло на голые ноги. Он распахнул ставни, пропитанные солью. Волна света ударила ему в лицо. Инстинктивно он поднял руку, чтобы закрыться от солнца, и подождал пока пройдет ослепление. Потом, привыкнув к свету, он обвел восторженным взором завораживающую панораму.

Залив был похож на огромное зеркало из кристальной воды. Его неупорядоченным полукругом окаймляли скалистые выступы, покрытые растительностью. Игривые волны мягко накатывали на берег, подгоняемые ветром, который направлял их в узкий проход в открытое море. Самая западная часть пляжа в том месте, где стоял Форт Чальз, превращалась в узкую песчаную полосу в форме подковы. На сторожевой башне крепости гордо развевался английский флаг.

Джонни созерцал эту удивительную картину. Он обвел взглядом дома, склады и причалы, где швартовались корабли, чтобы позволить экипажу сойти на берег. Стаи чаек кружились над флагштоками, хором переговариваясь между собой на своем птичьем языке.

– Джон, ты проснулся? – донесся до него голос матери из-

за двери.

– Да, – ответил он. – Сейчас приду.

Спать в компании Энни было для него привычным делом, в том числе и потому, что по-другому все равно не получилось бы. С тем мизерным количеством денег, которые удавалось заработать, нереально было позволить себе платить аренду Бартоломеу, хозяину гостиницы. Потому Энни работала на него.

– Поторопись! – снова крикнула она из-за двери. – Эвери тебя ждет. Опоздаешь, как обычно.

Джонни уловил привычную нотку упрека, которую очень хорошо знал, а затем послышался кашель. Он закатил глаза. Она уже несколько дней плохо себя чувствовала. Не нужно было звать врача, чтобы понять это. Но однажды рискнув заговорить об этом, он получил заверения, что речь идет только об усталости.

– Ты как твой отец, – проговорила женщина, борясь со спазмами.

«*Всегда витаешь в облаках*», – подумал Джон.

Причиной постоянных упреков Энни был именно Стивен Андервуд. Она никогда не простит его за то, что он привез ее в Порт-Ройал.

Благодаря торговой компании, которую он основал, Стивену удалось организовать транспортировку небольшой части товаров из Англии в Карибское море. Сначала все шло хорошо, а потом по причине монополии индийской компа-

нии ситуация ухудшилась. В довершение всего, некоторые кредиторы, к которым Стивен обратился за помощью, заставили его прекратить свою деятельность и признать себя банкротом. Под постоянным натиском своей жены, он ответил, что вскоре сможет вернуть все долги. Энни как всегда хотела ему верить. И она, разумеется, и представить себе не могла, что он сбежит, и она его больше не увидит.

Стивен Андервуд уплыл на борту корабля под голландским флагом. Слухов о том, что произошло дальше, было очень много. Кто-то говорил, что на судно напали пираты, другие утверждали, что видели судно у берегов Арубы, приплывшее туда волей шторма. Но фактом оставалось то, что Энни потеряла все и была вынуждена сменить привычки человека, привыкшего к обеспеченной жизни: ей предстояло найти работу в том месте, которое она ненавидела больше всего на свете.

Место, где она потеряла своего мужа.

И свои мечты.

Каждый раз, когда мать начинала мучить его этой историей, Джон слушал ее молча. Он не смел возразить ей, не смел причинить страдания. Иногда ночью он слышал, как она плакала возле него, и задавался вопросом, почему семья Дэвиз ни разу не приехала в Порт-Ройал, чтобы помочь им?

Он раскрыл правду, только когда стал взрослым. Вильям Джозеф Дэвиз так и не смог принять, что его дочь уехала в ту часть света, где было совсем другое понятие цивилиза-

ции. Энни по-прежнему поддерживала контакт с семьей, по крайней мере, до тех пор, пока не исчез ее муж. Потом она прекратила отвечать на послания, приходящие из Лондона. Джон полагал, что это было временным явлением, но когда он увидел, как она сжигает письма, он понял, что все связи с прошлым порваны.

В то утро он наспех оделся. Он привел в порядок свои темные кудри, смотрясь в зеркало, обрамленное в железную раму, потом пару раз открыл и закрыл рот. Шрам на его щеке стал почти незаметным. На зубах были видны темные пятна, поэтому он окунул палец в чашку с водой и с силой потер мокрым пальцем зубы.

Закончив, он спустился по лестнице, что, как он слышал, немного ранее сделала и его мать. Он думал, что найдет ее на лестничной площадке на заднем дворе «*P á ssaro do Mar*», который она должна была прибрать. И она, в самом деле, находилась там и напевала какую-то песенку. Джонни быстро поприветствовал ее, а потом услышал голос Бартоломеу:

– Подойди сюда, Энни, – сказал он со своим странным португальским акцентом. Он был эксцентричным типом и единственным, кто предложил ей место проживания и нечто похожее на работу. И именно он убедил Беннет Эвери взять в свою лавку нового ученика.

Джон открыл дверь и бегом выскочил на улочку, пробегающую мимо гостиницы, и погрузился в сумасшедший ритм жизни Порт-Ройал.

На улице толпилась куча народу. Они прохаживались среди прилавков с безделушками или оживленно болтали под окнами домов. Тут были почти все: от подмигивающих проституток около таверн до морских волков, хихикающих над ними, и солдат английского флота, которые безразлично расталкивали всех, кто попадался им на пути.

Вытерев пот на лбу, Джонни свернул на боковую дорогу, которая вела к порту. Так он сможет обогнуть толпу, выходящую с рынка. Ему нужно только пересечь старый испанский квартал, потом...

«*Проклятье!*» – подумал он, неосознанно закусив губу.

Меньше всего он хотел повстречаться с Алехандро Нараньо Бланко. Вместе с другими ребятами тот создал банду, которую боялся любой, кто шел по этому кварталу. Они на всех смотрели злым взглядом. Но прежде всего на англичан. Потому что Порт-Ройал был испанской крепостью, пока ее не захватили англичане.

Их разлад начался с тех пор, когда Эвери получил заказ на изготовление меча. Помимо того, что он был отличным плотником, он был искусным кузнецом. Однажды он поручил Джонни доставить меч, и тот, не раздумывая, отправился в испанский квартал. Банда Алехандро тут же напала на него. Парень попытался защититься, но Алехандро бросился на него, достал нож и оставил на щеке парня память об их встрече.

Остановившись посреди улочки, Джонни почувствовал жжение на щеке. Он прикоснулся к шраму, проведя от скулы к губам. В тот момент он будто услышал голос своей матери: « *Это место опасное, вот почему я волнуюсь за тебя! Ты подрался с мальчишками твоего возраста?* »

– Замолчи, – пробормотал он про себя.

– С кем это ты говоришь, *amigo*? – Алехандро был уже в нескольких шагах от него. Он даже не успел войти в квартал, как его уже перехватили.

– Дай мне пройти, *gordo*, – произнес Джонни. Он знал, что драться с толстяком Алехандро не было хорошей идеей. Но лишь один взгляд на него заставлял кипеть кровь в его венах. – Это еще не твой квартал. Я могу вернуться туда, откуда пришел, и пойти другой дорогой.

– Конечно, – казалось, испанец не обратил внимания на обиду. – Но ты все время ходишь именно здесь.

– Ты ищешь повод для ссоры?

– Возможно.

Джонни осторожно двинулся вперед.

– И именно это мне в тебе не нравится. Не провоцируй меня.

Улыбка Алехандро стала шире, разделяя пополам его пухлое лицо.

– Как поживает твой отец? – спросил он.

Ноги Джона отказывались идти дальше. Этот ублюдок прекрасно знал, на какой струне сыграть.

– Они пытались искать в брюхе какой-нибудь акулы? – продолжил Алехандро. – Или он, может, сбежал с какой-нибудь шлюхой неизвестно куда. Пожалуй, твоя мать наскучила ему. И ты тоже. Что скажешь, *pendejo*?

Джон хотел бы прыгнуть на него и свести счеты сразу же. Но он заставлял каждую клеточку своего тела отказаться от этого.

– Я в последний раз тебе повторяю, – сухо сказал он. – У меня нет желания...

Он не смог закончить фразу. Что-то пролетело мимо. Камень. Он обернулся, хотя мозг уже знал, что это было. Тот факт, что его застали врасплох, позволило членам банды предпринять стремительную контратаку. Джонни увидел трех мальчишек, бегущих к нему.

– В этот раз я подготовлен, – возразил он. Его тон выдал холодную уверенность, потому выражение лица Алехандро изменилось. Улыбка превратилась в гримасу мрачной нерешительности. Потом он достал нож с плоским острием, чем-то напоминавшим бритву парикмахера.

Один из мальчишек попытался ударить Джонни палкой. Он услышал, как она просвистела над ухом. Тогда он попытался приблизиться, чтобы сделать выпад. Но ему это не удалось. Противник наносил удары все быстрее. Неожиданно Алехандро пнул его сзади, прямо на парня, который ударил его первым.

– *Hijo de puta !* – крикнул тот и ударил его локтем в лицо.

У Джонни не было времени удивляться. Инстинктивно он вонзил клинок ему в бедро. Парень упал на землю, корчась от боли. Алехандро в свою очередь вновь кинулся в атаку. Он вытащил кинжал и попытался вонзить его в Джонни, но тот вовремя заметил это и увернулся. Удар пришелся на того, кто бросил в него камень, ранив в плечо. Оба тут же начали перебранку, выйдя из драки. Последний из банды остановился, глядя на них в нерешительности.

Джонни сразу понял ситуацию.

Это был хороший момент, чтобы отомстить.

– Возвращаю тебе должок, *gordo*, – изрек он и ударил испанца в бровь.

Из глаза его брызнула струйка крови, затуманивая зрение, и Джонни решил воспользоваться этим, чтобы отступить. Он резко развернулся на каблуках и бросился бежать в том направлении, откуда пришел, оставляя за спиной крики ярости своих агрессоров.

– Я опоздал, – извинился он, неожиданно распахнув дверь лавки. Дыхание его сбилось, грудь вздымалась под одеждой. Полученный удар придавал ему странный носовой акцент.

– Я знаю, – заверил его Эвери. Он сидел на табуретке в углу, скрытый тенью. Из трубки, которая на три четверти высовывалась из его рта, вырывался голубоватый дымок. Он лениво поднимался к потолочным балкам, где останавливался темным облачком. Его лицо, покрытое морщинами, не вы-

ражало никаких эмоций. Он медленно поднялся и прошел сквозь каменную арку, которая разделяла лавку на две отдельные зоны. Подойдя к кузнице, он начал рассеянно изучать наковальню. На лице его было такое выражение, будто он видел ее впервые.

– Позволь мне объяснить... – начал Джонни.

Эвери мгновенно повернулся с резкостью, необычной для его возраста. Протянув свою морщинистую руку, он словно тисками сжал его предплечье.

– Я просто не знаю, что с тобой делать! – вырвались капли слюны из его беззубого рта. – Ты приходишь с опозданием, а уходишь, когда тебе захочется! Если бы это не было ради Бартоломеу, я никогда не взял бы тебя на работу. – Потом он резко сменил тему: – Что с тобой приключилось?

Джонни колебался. В пылающих глазах своего собеседника он увидел слабое чувство смятения. Или это была жалость? Он предпочел бы получить привычный нагоняй, а не разговаривать о встрече с Алехандро.

– Это тебя не касается, старик, – сказал ему Джонни.

Морщинистое лицо Эвери, казалось, вытянулось. Он отпустил руку и почесал свою лысину, на которой виднелись только два вихра седых волос над ушами.

– Это был испанский толстяк, правда? – полюбопытствовал он.

Парень опустил взгляд.

– Хорошо, – продолжил тот. – Делай, как знаешь. Мне

больше нечего добавить. А сейчас посмотрим, не сломал ли ты нос. После придумаем какое-нибудь объяснение для твоей матери. Мы всегда можем сказать ей, что ты получил травму здесь. Эта женщина очень беспокоится за тебя. Однажды ты разобьешь ей сердце.

– Что ты хочешь знать? – спросил Джонни.

– Ты многое не знаешь обо мне.

И это было правдой.

Он не знал почти ничего о Беннете Эвери.

По некоторым слухам, он был главным действующим лицом в набегах, совершенных с борта «*Месть королевы Анны*» – корабля пирата Черная Борода. Если же послушать старика, то все это было ложью, которую распространяли, чтобы обрушить на него разного рода проблемы. Джонни не знал, чему верить. Много раз он спрашивал себя, не было ли это просто чьей-то фантазией, облетевшей свет. Но туманность прошлого старика вызывала в нем любопытство. Он не раз слышал, как тот рассказывал отрывки из своей жизни, сопровождаемые парочкой бокалов рома. Будучи знакомым Бартоломеу, он являлся завсегдатаем в «*P à ssaro do Mar*». И его истории всегда имели недосказанности. Казалось, он нарочно опускает некоторые детали.

– Подойди сюда, – позвал его Эвери, намереваясь передать ему ведро, наполненное водой, – и умойся для начала.

Не говоря ни слова, Джонни подчинился. Он поставил на бочку таз и опустил в него свое лицо. Холодная вода заста-

вила его слегка вздрогнуть. Он задержал ненадолго дыхание. Затем поднял голову, вдыхая свежий воздух и наполняя им легкие. Невольно рука его поднялась, и он прикоснулся пальцами к носу.

– Ну что? – спросил его старик.

– Боль уменьшилась, – ответил Джонни. По крайней мере, он хотел так думать.

– Если бы нос был сломан, ты бы сейчас рыдал, как сопляк, каким ты и являешься. Значит, все в порядке.

– Лучше, чем у них, – ответил он и достал нож с плоским лезвием. Потом повертел его в руках. Лезвие было испачкано кровью.

Эвери пристально посмотрел на него со снисходительной улыбочкой.

– Хватит хвастаться, сопляк. Приведи себя в порядок. Тебя ждет работа.

В тот момент, когда Джонни сражался с Алехандро, капитан Вудс Роджерс задумчиво смотрел на горизонт из окна виллы губернатора. Его бледный лик отражался в окне, словно призрак, а короткие каштановые волосы и высокий лоб придавали ему ауру торжественной суровости, смягченную невысоким ростом. Рот, едва заметно приоткрытый, подчеркивал его нерешительность. Но, возможно, чертой, которая придавала его виду еще больше строгости, была плотная паутинка шрамов, видневшаяся на левой стороне лица.

В душе он надеялся, что встреча с Генри Морганом продлится недолго. Он никогда не одобрял его политический взлет, особенно после того удачного штурма в Панаме. Короче говоря, он ему завидовал. Он всегда полагал, что мало кто будет доверять пирату, который преследовал своих собратьев, чтобы угодить королевской семье. Церемонии и банкеты были частью того стиля жизни, который он и сам с удовольствием вел бы, но сейчас его больше всего занимал вопрос, почему тот вызвал его снова.

– Ваша задача проста, – сказал он ему при встрече. – Вы должны поймать монсеньора Винна. Он пират, и поэтому другие причины не имеют значения. Он не может вечно бегать от казни через повешенье. Будучи губернатором Ямайки и выражая волю короля Георга, мы морально обязаны отдать этот приказ. Надеемся, Вы сможете понять.

«Естественно, – подумал он. – Проклятый напыщенный идиот».

Так он продолжал думать и сейчас, когда солдат сказал ему, что он может войти в комнату. Он остановился на пороге и вытянулся по стойке «смирно».

– Капитан Роджерс, – позвал его солдат. – Его превосходительство, сэр Генри Морган Вас ждет.

Солдат сделал неопределенный жест рукой, указав в узкий коридор, который вел в прихожую, еще более узкую из-за множества наставленных в ней произведений искусства – признак той роскоши, в которой любил купаться губернатор.

– Казнь будет завтра, капитан, – солдат остановился перед дверью, обитой железом. – Губернатор намерен жестко бороться с пиратством. Он надеется, что Вы тоже будете присутствовать.

« Твое лицемерие поражает, Генри, – подумал Роджерс. – Ты нашел самую пристойную маску, чтобы надеть себе на лицо. Если бы только это не было сделано стараниями твоих друзей, ты бы тоже оказался на гильотине ».

Тем временем военный решительно постучал костяшками по доске. Голос Моргана ответил из-за двери, приглашая их войти, сопровождая приглашение баритональным смешком, что породило в Роджерсе новую волну презрения.

– Смеется все еще как пират, – пробормотал он про себя. Он схватился за ручку двери и закрыл ее за собой, оставив солдата одного. В нос ему тут же ударил сильный запах ладана, от которого исходил пронзительный аромат сухих трав. Из окна проникал свет, и бархатные занавески дрожали от морского бриза. Но в комнате не было никакого следа губернатора. Ни его, ни кого-либо другого. Роджерс прошел вперед, пока не оказался напротив большого стола, покрытого картами.

– Что-то не так? – неожиданно раздался голос Моргана.

Вудс Роджерс резко повернулся на каблуках, боясь споткнуться. Он ощущал себя страшно уязвимым. И медленным. Когда чувство замешательства прошло, он обнаружил, что стоит перед внушительных размеров мужчиной с боль-

шим животом. Тот вышел из кабинета, одетый в яркий светло-голубой костюм с широкими кружевными лацканами. На голове он носил длинный напудренный парик, который ужасно не сочетался с рыжими густыми усами.

– Вы слишком напряжены, капитан, – снова засмеялся Морган. – На мой взгляд, вы должны научиться наслаждаться прелестями жизни.

– Прелести жизни слишком дороги, я не могу позволить себе наслаждаться ими, – ответил Роджерс.

– Тогда мне жаль.

– Зачем Вы вызвали меня, Ваше Превосходительство?

Морган посмотрел на него сверху вниз. Затем его лицо растянулось в широкой улыбке.

– Я хотел поговорить с Вами об одном очень важном деле. Я весьма хорошо знаю ваши наклонности. И знаю, что Вы человек, который не любит терять время.

– Тогда мы можем сразу перейти к делу, – отрезал корсар. – Более чем двадцать дней назад Вы отправили меня на поиски Эмануэля Винна, пирата низкого пошиба, который...

– Плюс непредвиденный случай, – прервал его губернатор, продолжая улыбаться. – Обнаружить его на дрейфе, недалеко от Нассау, было чрезмерно судьбоносным моментом. Он превратил Вашу охоту в операцию по спасению.

– Речь идет только об удаче.

– Вас это огорчает?

– Абсолютно, – солгал Роджерс. Ему пришлось приложить

немало усилий, чтобы сохранить непринужденный вид, ибо Генри Морган попал в самую точку. Он сел на корабль «*Delicia*», чтобы отправиться на поиски пирата, и нашел его всего в нескольких милях от порта. – Я стараюсь во всем видеть позитивную сторону. Я избежал длительного путешествия. Но Вы все еще не ответили на мой вопрос. Зачем Вы меня вызвали?

Морган приблизился к нему и положил обе руки ему на плечи, слегка сжав их. Роджерсу показалось, что он хочет его раздавить. Тот будто прочитал его мысли и сразу же отпустил руки, отходя назад на несколько шагов. Затем взял со стола одну из карт и начал изучать ее.

– Я считал Вас внимательным человеком, – произнес он колючим голосом. – Разочаровываете, капитан. Ответ находится прямо у Вас перед глазами.

Роджерс приподнял бровь. Казалось, он не понял намека. Потом воспоминание резко всплыло у него в мозгу, холодное и беспощадное, как пуля. Он опустил взгляд на предмет, который Морган держал в руках.

– Это всего лишь карта, Ваше Превосходительство, – прокомментировал он.

– Вы правы, – согласился тот и протянул корсару рулон. – Я призываю Вас получше изучить ее. Это единственное, что Винн имел при себе, когда Вы выловили его в море.

Роджерсу казалось, что тот издевается над ним. Поверхностный тон, с которым он разговаривал, только добавлял

тревоги. Роджерс отлично помнил бутылку с куском карты, которую пират имел при себе, когда был обнаружен. Но он не придавал этому значения. А должен был бы. Почему умирающий позаботился о том, чтобы спрятать карту?

Роджерс развернул ее перед собой и ощутил потрескивающий шелест старой бумаги под подушечками пальцев. Линии и изгибы пересекались друг с другом, образуя четкий линейный узор. Потом разбегались в стороны, становясь нечеткими, размашистыми. Не было никаких знаков, за которые можно было бы уцепиться.

– Он был на этом острове, – начал анализировать Роджерс, погружаясь в чертеж. – Но я не могу понять, в каком море он находится, – он опустил взгляд в нижний угол карты. Потом нахмурил лоб. В этой части чертежа было написано несколько слов. Он прочитал их, и глаза его распахнулись в изумлении. Потом в них зажегся гнев. – Вы считаете меня глупцом? Вы издеваетесь надо мной?

Генри Морган поднял суровый взгляд, который не выражал никаких эмоций.

– Никаких шуток, – произнес он.

– Но это невозможно! Винн не мог начертить эту карту. Он был совершенно вне себя, когда мы нашли его. Он не ел и не пил несколько дней. Он бормотал слова, лишённые всякого смысла.

– И до сих пор продолжает их бормотать.

Но Роджерс не собирался сдаваться. Он снова принялся

рассматривать карту, быстро водя по ней глазами.

– Я повторяю Вам, что он не мог нарисовать эту карту, просто потому что это место не существует!

– Треугольник Дьявола существует! – воскликнул Морган. Казалось, у него остановилось дыхание. – Винн был там, в этом не может быть сомнений. И об этом говорит не только кусок карты, что Вы держите в руках, но и тот факт, что Вы собирались отплыть в те моря.

Выйдя с виллы, он столкнулся с несколькими солдатами, которые были намерены проводить его до экипажа. Роджерс настоял, чтобы Морган позволил ему увидеть узника. Он до сих пор не мог поверить в рассказанную историю.

– Пожалуйста, Ваше Превосходительство, – произнес один из охранников, открыв дверь решетки, чтобы проводить Моргана к экипажу.

Карета пересекла участок земли, граничащей с пляжем. Кучер был вынужден замедлить ход по причине того, что на пути постоянно попадались люди. Морган воспользовался случаем, чтобы поприветствовать население. Многие поклонились ему.

Чуть дальше побережье образовывало изящный изгиб, который считали самым сердцем залива. В глубине него стояло с десяток кораблей.

– Прибыли, Ваше Превосходительство, – крикнул извозчик.

Дорога, по которой они шли, была усыпана галькой, становившейся все плотнее, пока дорога не превратилась в мощеную мостовую перед входом в форт. Вход был оформлен в виде арки из кирпичей, встроенной в главную куртину. С верхнего карниза, увенчанного внушительными зубцами, торчали серые дула пушек.

Войдя в Форт Чарльз, они спустились на восьмиугольную площадь. Потом их провели в тюрьму по каменным коридорам, на стенах которых горели факелы. В темноте возник крепкий мужчина с презрительным выражением лица. Он дышал ртом, а лоб его покрывали капли пота. На нем была надета однотонная одежда, на которой виднелись разнообразные пятна. Роджерс узнал в них следы крови на рукавах и воротнике. В тот момент он испытал неприятное ощущение от пребывания рядом с палачом.

– Ваше Превосходительство, – поприветствовал с уважением палач Моргана.

– Приветствуем вас, мастер Кэйн, – ответил Морган. – Представляю капитана Вудса Роджерса, корсара на службе у Его Величества.

– Чем могу служить?

– Мы хотим видеть Эмануэля Винна.

Палач решительно кивнул, взял один из факелов, висящих на стене, и повел их в следующий коридор, в котором чередовались камеры. Дойдя до самого конца, они оказались перед лестницей. В середине, уклон стал более крутым, и они

были вынуждены сгибаться, потому что потолок нависал все ниже. Видимо, скоро они окажутся под землей.

– Прежде чем войти, я хотел бы задать Вам вопрос, – сказал Роджерс губернатору. – Вы запланировали казнь на завтра. Почему такая спешка?

– Винн – пират, который должен заплатить за свои злодеяния, – ответил тот.

« *Без судебного процесса?* – пронесся в голове корсара закономерный вопрос. – *Думаешь, что я в самом деле такой глупец, Генри? Ты притащил меня сюда по более важной причине. Почему же тянешь веревку?* »

Охваченный этими размышлениями, он оказался перед тюремной камерой. Дверь освещал факел Кэйна. Он увидел, как палач перебирает десяток ключей на тяжелом кольце. Вложив один из них в замок, он со скрежетом повернул его. Через открывшуюся дверь показалась крошечная голая комната, единственным предметом мебели в которой был матрац. Поскольку она была под землей, в ней не было никаких окон, даже просто отверстия. Повсюду витал тяжелый запах плесени, фекалий и мочи.

Морган, казалось, с любопытством рассматривал фигуру, растянувшуюся на матрасе. Она была неподвижной, обернутой в грязное покрывало.

– Вы уверены, что не перестарались, Кэйн? Мы хотим, чтобы этот человек предстал перед ликующей толпой, а не умер в этой камере словно мышь.

– Не волнуйтесь, – заверил его палач и подошел к Винну, отвесив ему пинок в бок. Пират тут же вскочил, издав визг. В тени он был похож на призрак. Исхудавшее лицо было покрыто жесткой щетиной, которая беспорядочно обрамляло его. Длинные сальные волосы падали ему на глаза и на плечи.

Губернатор выдавил лживую усмешку:

– Монсеньор Винн ошеломлен тем, что с ним случилось. Нет необходимости так к нему относиться. Мы ведь джентльмены. А теперь оставьте нас, мы справимся самостоятельно.

– На самом деле... – попытался возразить Кэйн.

Морган тут же нахмурился.

– Вы можете идти, – повторил он громко.

Палач повесил факел на стену камеры и удалился.

– Винн, – позвал его Роджерс. – Вы меня слышите?

Корсар подождал в надежде на ответ. Но когда понял, что его ожидание может продлиться вечно, он сел на корточки в нескольких сантиметрах от узника.

– Мой корабль настиг Вас в Нассау, Вы помните? Я пришел сюда поговорить о карте. Что с Вами случилось?

Винн поднял голову, пристально посмотрев на говорящего, но, похоже, не увидел его. Роджерсу показалось, что он увидел зеленое сияние в одном из глаз пирата. Он затаил дыхание. Он не мог бы сказать наверняка, учитывая, что на глаза пирату падали волосы, закрывая их. Потом он решил, что это был отблеск факела, висящего на стене.

– Треугольник Дьявола, – проворчал Винн через некото-

рое время.

– Вы в самом деле были в тех морях? – осведомился Роджерс.

– Мне не следовало оставлять мое место. Это был приказ капитана. Он был зол.

– Он все время повторяет эту историю, – вмешался Морган недовольно. – Он хочет вернуться к Беллами. Даже побои Кэйна не смогли встряхнуть его.

При этих словах пират вздрогнул и начал задыхаться, будто рыба, вытасченная из воды, издавая глухие вздохи, идущие прямо из горла.

– Вы были под командованием Сэмюэля Беллами? – подвигал Роджерс его пальцы, деликатно коснувшись рукой. Было ясно, что Винн смущен присутствием Моргана. Если не успокоить его, он снова закроется в своем молчании.

Пират вдруг неожиданно произнес:

– Мы потерялись.

– Объясните лучше.

– Туман... был повсюду.

– Какой туман? – настаивал Роджерс. – Что Вы хотите этим сказать?

– Я должен был остаться на сторожевой башне, – тон голоса Винна изменился. Казалось, он ищет человека, кому можно доверять. – Приказ капитана.

Роджерс замолчал в ожидании продолжения.

– Нечего делать, – подал голос Морган. – Мы теряем вре-

мя. Вам и так удалось заставить его сказать кое-что большее, капитан. Мы это запомним. Однако...

– Вы этого не понимаете! – воскликнул пират. Казалось, в его мозгу произошла вспышка. – Тот, кто ищет сокровище, должен заплатить за него. Сокровище, которое может изменить судьбу того, кто найдет его.

– Какое сокровище? – резко спросил губернатор.

Винн вздрогнул. Он высвободил свою руку из руки корсара и откинулся на матрас, свернувшись в позе зародыша. С этого ракурса Роджерс мог заметить свежие следы побоев.

– Винн! – угрожающе воскликнул Морган. – О каком сокровище Вы говорите? Ответьте, проклятье!

Пират принялся стонать и больше не произнес ни слова. Даже оскорбления губернатора не трогали его.

– Это было именно то, что Вы хотели узнать, Ваше Превосходительство? – прозвучали слова Роджерса скорее в утвердительной форме, чем в вопросительной. – Вы использовали меня, чтобы раскрыть возможное существование сокровища?

Лицо Генри Моргана помрачнело.

– Вы не нужны мне были для этого, капитан. У Вас было четкое задание: поймать Винна. И Вы отлично справились.

– Плюс непредвиденный случай, если говорить Вашими словами.

– Естественно.

– В какую игру вы играете, Генри?

Морган недоверчиво посмотрел на него.

– Вы должны мне дать несколько объяснений, – продолжил Роджерс. – Я исполнил мой долг. И я думал, что все прошло хорошо. Но теперь Вы вовлекаете меня в эту историю.

Из глубины коридора донеслись шаги, сопровождаемые легким посвистыванием Кэйна. Очевидно, они доносились из камеры, располагавшейся в дальнем конце, и палач пошел посмотреть, не случилось ли чего.

– Сейчас не время для разговоров, капитан, – прошипел Морган.

– Боюсь, что самое время, – возразил Роджерс.

– Что Вы хотите знать?

– Правду.

– Хорошо, – произнес губернатор. – Кроме того, Вам можно доверять.

– Поторопитесь!

– Беллами лично был здесь, чтобы рассказать нам, что у него было на уме. Наше прошлое не является тайной, потому Вам не следует удивляться нашему знакомству.

«*Я вообще ничему не удивляюсь*», – подумал Роджерс.

– Он попросил ссуду, – говорил Морган поспешно и все чаще бросал взгляд на дверь, чтобы убедиться, не появится ли с минуты на минуту Кэйн. – У него не оказалось достаточно ресурсов, чтобы предпринять путешествие, настолько опасное. Взамен мы потребовали список экипажа. Опыт научил нас, что если мы тратим деньги, то в ответ можем

узнать, кому они пойдут. Единственное имя в списке, которое мы знали, было имя Винна.

– Поэтому Вы отправили меня на его поиски, – догадался Роджерс.

– Именно. Когда мы узнали, что Беллами исчез, мы не могли действовать по-другому.

Только теперь француз взял слово. Он снова сел на матрасе, скрестив ноги.

– Меня наказывают за разжигание мятежа. Но это не было моей виной. Я могу поклясться вам. Остерегайтесь человека с золотыми зубами, – несмотря на то, что его лицо было закрыто волосами, было видно, что он улыбается. – Я был единственным, кто его видел. Поэтому я был сторожевым. Я должен был наблюдать, как сказал шаман.

Роджерс снова наклонился вперед. Он открыл рот, чтобы спросить его о чем-то, но пират его опередил:

– Глаза часто обманывают нас, капитан Роджерс! – сказал тот.

– А сокровище? – вмешался Морган.

Но ответа не последовало. Эмануэль Винн запрокинул голову назад и рассмеялся неприлично громким смехом, который очень сильно контрастировал с его худым телом. Он продолжал смеяться, даже когда вернулся палач. Пират отвешивал ему удар за ударом в надежде, что сможет выудить другие сведения, но чем больше Кэйн его бил, тем громче смеялся пират. Это продолжалось до тех пор, пока тот не со-

рвал голос, и он не стал таким отвратительным, что Роджерс был вынужден заткнуть уши.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАЗНЬ

Поздно вечером Джонни отправился обратно домой. Помня об утренней встрече, он решил пойти более длинным путем. Так он смог бы избежать дороги через испанский квартал.

Его мать наверняка все еще была на работе, погруженная как обычно в удушливый запах пряностей, которыми изобиловала кухня «*P à ssaro do Mar*». Поэтому она не обратит внимания на его поздний приход.

Он шел вдоль восточного побережья порта мимо причалов и рейдов, каждый раз бросая взгляд на пришвартованные корабли. Большая часть экипажей сошла на берег.

Ему в голову не раз приходила мысль обратиться на какое-нибудь судно и покинуть Порт-Ройал. Но как? Он не смог бы перенести жизнь в море даже одну неделю. В такие моменты в его голове эхом звучал голос Энни, которая самым громким своим голосом обвиняла его отца в том, до какой жизни он ее довел. Он вдруг вспомнил рассказ о соучастии Эвери.

« Я должен был передать ему щипцы, – раздумывал Джонни, пытаясь убедить в этом самого себя. – Он сказал мне, чтобы я поторопился, потому я обернулся на него, и,

не заметив низкую балку, ударился об нее».

Эвери выглядел вполне убедительно, обратив на него встревоженный взгляд распахнувшихся глаз. Рот тоже раскрылся. Он собирался вылить на Джонни обычную волну упреков и предостережений о том, как опасен мир и все остальное в нем. Очевидно, он ожидал, что Джонни потребует у старика объяснений, и приготовился подтвердить все то, что произошло прошлым вечером: что он пошел в таверну выпить чего-нибудь.

– Надеюсь, ты не напился, – сказал Джонни.

Чуть впереди виднелись следы земляных работ вдоль лестницы, построенной позади каменной стены порта. Джонни, не раздумывая, поднялся по ней. Он знал эту зону, как свои пять пальцев. Оказавшись наверху, он остановился и залюбовался заливом.

Он видел этот пейзаж много раз, но в тот день он испытал совсем другие эмоции, каких не испытывал никогда ранее. Гаснущий закат окутывал все сиреневыми сумерками. На миг ему ясно показалось, что воздух наэлектризован, наполнен какими-то изменениями.

– Ветер меняется.

Джонни вздрогнул. К нему приближался мужчина, которого он не заметил ранее, и который, как и он, пристально вглядывался в бухту. На нем была синяя куртка и рубашка с открытым воротом, перехваченная на талии зеленым поясом. На ногах были надеты высокие сапоги, достигающие до са-

мых колен. Рябое лицо, будто ужаленное сотней ненасытных мошек, было обрамлено длинными темными бакенбардами, которые удлиняли его, делая похожим на морду куницы.

– Что-то должно случиться, не правда ли? – спросил его Джонни, не отдавая себе отчет в том, почему вообще обратился к нему с этим вопросом.

Тот кивнул.

– Возвращайся домой, парень, – сказал ему незнакомец. Уперев руки в бока, он немного поднял куртку, под лапами которой показалась сабля. – Скоро начнется буря. Ты ведь не хочешь попасть в нее?

Джонни не ответил. Он понимал, что мужчина ему не нравился. Особенно, когда смеялся, потому что тогда показывались верхние резцы из золота.

« *Он пират* », – подумал Джонни и услышал, как тот усмехнулся, пока Джонни удалялся от него. Это была мрачная неприятная усмешка. Джонни обернулся, боясь, что тот может начать его преследовать. Но флибустьер, напротив, не обращал на него никакого внимания.

Между тем, напряженная жизнь в колонии успокаивалась. Дороги пустели. Тот, кто не имел дома, заходил в какой-нибудь кабак. Фонарщики начинали свою работу: наполняли маслом фонари и зажигали их. Странно, что в лужах не валялись мертвые. Но впереди была еще вся ночь, чтобы они там появились.

Джонни пересек отрезок пути, отделявший его от « *P à*

ssaro do Mar» в состоянии какого-то возбуждения, причины которого он никак не мог понять. Может, виной тому была встреча с загадочным мужчиной? Он продолжал думать о нем, даже когда натолкнулся на одного из многочисленных охранников, стоящих вдоль улицы, где мальчик не старше 12 лет что-то рассказывал. Несколько солдат окружили его с любопытством.

– Наконец-то! – воскликнул один из них.

– Я боялся, что губернатор смягчился, – прокомментировал другой.

– Помолчи, – оборвал его третий. – Надеюсь, ты не хочешь оказаться на виселице, как и он?

Интерес к разговору пропал. Но не для Джонни. Как только мальчик закончил свой рассказ, Джонни подошел ближе, привлеченный словами, написанными на вывеске.

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ АНГЛИИ ГЕОРГА, ГУБЕРНАТОР ПОРТА-РОЙАЛА, СЭР ГЕНРИ МОРГАН, ПРИКАЗЫВАЕТ КАЗНИТЬ ПИРАТА ЭМАНУЭЛЯ ВИННА НА РАССВЕТЕ.

Джонни издали смотрел на это объявление. После заголовка следовал список преступлений, совершенных Винном. Закончив читать его, Джонни пошел дальше.

Мысли его вернулись к тому моменту жизни, когда отец взял его с собой впервые на казнь. Он посадил Джонни на плечи, чтобы тот мог увидеть все поверх толпы. Джонни улы-

бался, явно веселясь, пока кое-что не изменилось в этом спектакле. Детское возбуждение от присутствия при этой сцене сменилось ужасом, как только палач обвинил веревку во-круг шеи преступника. Неизвестно почему, но он не ожидал увидеть его висящим мертвым через несколько секунд. Слезы тут же затопили его лицо.

– Почему ты плачешь? – спросил его отец.

– Тот человек... – ограничился кратким ответом Джонни, показав на несчастного повешенного, раскачивающегося из стороны в сторону.

– Он был плохим человеком, – попытался его успокоить Стивен Андервуд. – Он должен был заплатить за свои преступления.

Джонни кивнул, хотя не понял до конца, о чем говорил отец. Его кивок был только инстинктивным жестом, продиктованным неудержимым желанием поскорее уйти оттуда.

– Запомни, что в жизни тебе встретится много людей, – продолжил Стивен. – Каждый из них совершил какую-нибудь ошибку. Кто-то осознал ее и решил сбросить с плеч свое прошлое. Другие же, напротив, с гордостью продолжают носить на своем лице маску. Прошу тебя, не доверяй вторым. Они так и продолжают выгораживать себя и будут перекладывать свою вину на других. И что хуже всего – они верят в то, что говорят. Точно так же, как тот человек, которого сегодня предали суду.

Вспомнив эту фразу, Джонни понял, что ему очень не хва-

тает его отца.

Судя по шуму, доносящемуся из « *P à ssaro do Mar* », Джонни догадался, что завсегдатаи начали танцы. Кто-то даже начал подыгрывать, поскольку к гаму добавился резкий звук скрипки.

Джонни остановился на мгновение под портиком и приклонился лицом к единственному окну, приложив ладони к стеклу. Стены большого зала, являющегося основным помещением гостиницы, были покрыты треснувшими панелями, напоминая тем самым стены старого парусника. В глубине виднелся прилавок, а слева от него – огромный прокопченный камин. В стороне от последнего находилась дверь, ведущая на кухню.

Вдоль столов стояли десятки свечей в канделябрах. Самым приятным моментом этого места был именно свет. В отличие от других гостиниц, разбросанных по всему Порт-Ройалу, освещение было преимуществом заведения Бартоломеу.

Парень увидел, как он спует среди столов, нося туда-сюда тарелки и бокалы. Он ожидал увидеть также и свою мать, но ее нигде не было видно. Обычно именно Энни была занята обслуживанием клиентов.

Джонни отступил назад и поднял взгляд на единственное окно на верхнем этаже. Створки были закрыты. Но он хорошо помнил, что оставлял их открытыми.

«Возможно, она вошла туда и закрыла их, – подумал он. Но тут же в голову ему ворвался пронзительный голосок: – А если с ней что-то случилось? Этот отвратительный кашель не дает ей покоя. Он с каждым днем только ухудшается».

Некое болезненное жжение обожгло ему живот. Будто какая-то крыса загорелась, ворвалась внутрь и начала его грызть.

Он с головокружительной скоростью бросился в переулок, ведущий к заднему входу гостиницы, распахнул дверь и помчался по лестнице. Гул снизу стал тише, более приглушенный. Ему казалось, что он бежит по тоннелю внутри горы. Некая галерея, в глубине которой горел огонек на золотых зубах пирата.

– Мама? – позвал он, стуча в дверь их квартиры. Ответа не последовало. – Мама, это я! Я уже пришел!

Комната была погружена в полную темноту. Из глубины квартиры доносился удушающий запах пота, смешанный с чем-то, похожим на запах ржавого железа.

Наконец, он понял, что это за запах.

Кровь.

Охваченный паникой, он начал судорожно искать масляную лампу на тумбочке около входа. При второй попытке он нашел ее, наощупь шаря по поверхности мебели. Когда его пальцы нащупали огниво, он зажег его. Лампа вспыхнула бледным огоньком, и язычок пламени начал двигаться вдоль

пола, пока не достиг подножья кровати. И тогда Джонни заметил на ней нечто. Едва уловимое движение. Кто-то двигался в темноте.

В тот же миг раздался вздох, а за ним последовал кашель.

Этого хватило, чтобы сомнения Джонни превратились в уверенность.

Энни лежала на кровати, ее темные длинные волосы растрепанными разметались по подушке. Они напоминали тушку осьминога, которого выбросило на берег. Джонни приблизился к ней и приподнял ей осторожно веки. Лицо ее было бледным, покрытым потом. В уголках рта виднелись красные пятна. По щеке бежала струйка крови, падая на подушку и образуя кровавое пятно.

– Джонни, это ты? – спросила она голосом, который был скорее похож на шепот. Грудь ее тяжело вздымалась в нерегулярном ритме.

– Да, – ответил он.

– Я ничего не вижу. У меня на глазах словно пелена.

Парень оторопело смотрел на нее, не в силах произнести ни слова. Он боялся, что его ответ прозвучит малоубедительно.

– Все будет в порядке, вот увидишь, – пробормотал он, глядя ее по лбу. Он был ледяным. – Завтра утром тебе станет лучше.

– Как у тебя дела?

– Не волнуйся обо мне.

Женщина слабо улыбнулась. Новый вздох сорвался с ее губ, и Джонни взял ее за руку.

– Ты должна отдохнуть, – сказал он.

– Я знаю, – согласилась Энни.

– Что я могу сделать для тебя?

– У меня пересохло горло.

Джонни пошел в ванную комнату и набрал воды в чашку. Потом вернулся к своей матери. Осторожно сев с ней рядом и подставив ей под затылок свою руку, он помог ей попить. Женщина жадно глотала воду.

– Ты много работала в эти дни. Тебе надо отдыхать. Сон тебе поможет.

– Я боюсь, – проговорила она.

– Тебе нечего бояться.

«*Я стараюсь убедить ее... или себя?*» – задавался он вопросом.

– Расслабься, – продолжил парень, пытаясь скрыть свое волнение. – Сейчас я схожу и поговорю с Бартоломеу. Ему нужна помощь на кухне.

– Не уходи.

– Я скоро вернусь.

Глаза Энни заблестели, и слезы покатились из них.

– Я уже потеряла твоего отца. Не оставляй меня одну.

– Хорошо. Я побуду с тобой.

Джонни дождался, пока женщина заснула, а ее дыхание стало равномерным. Он снова сжал ее руку. Только теперь

ОН МОГ НЕМНОГО ОТДОХНУТЬ.

Карета губернатора везла Роджерса к порту по тому пути, который он посоветовал кучеру по дороге. В нем начала зарождаться странная паранойя. Город изобиловал шпионами, и последнее, чего он не хотел, – так это преследования лакеев Моргана. Конечно, кучер мог бы вернуться и все рассказать... Именно поэтому Роджерс бросил ему мешочек с монетами, вылезая из кареты.

– Мы договорились, верно? – предостерег он кучера.

– Ясно, как день, капитан, – ответил тот.

– Повтори, что ты должен будешь сказать.

Кучер огляделся вокруг.

– Если кто-то спросит меня, я должен буду сказать, что отвез капитана туда, где пересекаются старые стены с главной дорогой. С той, которая идет вдоль мыса к югу. Что я видел, как капитан вошел в бордель с намерением потратить немного денег Его Превосходительства на нежную компанию.

Корсар с удовлетворением кивнул. Он подал знак кучеру, и тот рванул вперед со всей скоростью, оставляя за собой след взметнувшейся дорожной пыли вперемешку с щебнем. Подождав, когда тот скроется из виду, корсар направился к переулку, который спускался к набережной. По бокам улицы стояло с десятков старых облупившихся зданий. Все вокруг было погружено в прозрачную тишину.

– Капитан.

Роджерсу не нужно было оборачиваться. Этот хриплый баритон он узнал бы повсюду.

– С удовольствием замечаю, что ты охраняешь зону О’Хара. Что-нибудь случилось в мое отсутствие?

– Ничего важного.

– А остальная команда?

– Спит.

О’Хара вышел из тени и пошел рядом с ним.

– Ты сделал больше, чем предполагалось. Что-то пошло не так?

– Лучше поговорить об этом приватно, – коротко отрезал Роджерс. Он повсюду видел глаза тех, кто шпионил за ними из-под прикрытых ставень.

Ничего больше не добавив, он завернул за угол. Затем они направились по узкому зловонному переулку, в конце которого слышали шум прибоя. Перед ними появился старый покинутый склад, практически выходящий на пирс.

– Я оставил команду под надзором Хусани, – пояснил О’Хара хриплым голосом.

Корсар удовлетворенно улыбнулся.

Из всех членов команды он бы доверил свою жизнь только двум людям. Первым был именно Джеймс О’Хара, с которым он познакомился несколько лет назад на Кубе. У него была репутация преданного головореза, а свой особенный голос он получил потому, что однажды ему перерезали горло. Его враги посчитали его мертвым, даже не проверив. Но он чу-

десным образом выжил. Вторым был тот, кто назывался Хусани. Он был большим и толстым рабом на хлопковой плантации в Вирджинии. Но ему удалось бежать и сесть на судно. Роджерс встретил его непосредственно в Порт-Ройале и был покорен его физической силой, которую показал африканец во время боя.

Многие критиковали Роджерса за выбор членов в команду. Но его это не заботило. Он предпочитал работать с теми, по которым плакала виселица, а не с молодыми солдатами, у которых даже не было опыта.

Постучав в дверь, они замерли в ожидании, когда Хусани откроет им. Долго ждать им не пришлось. Дверь приоткрылась, и в щелке показалось темное лицо с мрачным взглядом.

– Добрый вечер, капитан.

– Добрый вечер, – ответил Роджерс.

Помещение было грязным. Повсюду эхом раздавался храп. Хусани взял обрубок свечи и проводил гостей к столу, стараясь не разбудить остальную команду, которая спала на полу. Роджер сел, а О’Хара расположился напротив. Под его подбородком виднелся белый шрам. Хусани услужливо встал рядом, поставив свечу над неотесанным балдахином, и наполнил три бокала темной жидкостью.

– Итак, капитан? – спросил он.

Роджерс пошарил в одном из карманов куртки и достал из него мешочек, значительно большего размера, чем тот, который он бросил кучеру.

– Это первая половина, – сказал он, небрежно бросив мешок в центр стола. Внутри него звякнули монеты. – Остальное после окончания работы. Как обычно.

– И что мы должны сделать? – любопытно спросил О’Хара. Корсар несколько мгновений пристально рассматривал дрожащее пламя свечи. Потом произнес тихим голосом:

– Сначала я подумал, что Морган издевается надо мной. Но потом я понял, что он не шутит. И может, это было худшим моментом.

– Говори яснее, – щелкнул О’Хара пальцами. – После того, как мы поймали Винна, что от нас еще нужно?

– Именно Винн, и точка, – уточнил Роджерс. – У губернатора были свои причины, чтобы найти его, – сделал он паузу. – Помните, что он держал в руке, когда мы нашли его?

– Карту, – решительно ответил африканец.

– У тебя отличная память, – похвалил его Роджерс.

Он снова запустил руки в карманы, достал рулон, который дал ему Морган, и развернул на столе.

О’Хара перестал щелкать пальцами и принял вид исследователя.

– Куда это ведет?

Роджерс перевел взгляд с карты на него. Он сделал это не спеша, стараясь найти правильное время для ответа.

– К Треугольнику Дьявола, – сказал он, наконец.

Последовало молчание, которое не нарушалось ничем, кроме храпа экипажа. Хусани и О’Хара обменялись быстрым

взглядом изумления. Затем последний откинул назад голову и рассмеялся, показывая свой шрам во всю его длину. Это был отвратительный резкий смех, похожий на звук лезвия, царапающего ржавую поверхность.

– Ты находишь это забавным? – серьезно спросил его Роджерс.

– Не думал, что вызову такую явную иронию, – ответил тот.

– Никакой иронии, – ткнул Роджерс пальцем в карту. – Кажется, что Винн убежден в том, что начертил. И в это верит также Морган. Мне достаточно того, что губернатор готов заплатить.

– Кровь Иуды! – воскликнул Хусани. – Ты хоть принял во внимание, что это могло быть просто бреднями сумасшедшего?

Роджерс кивнул и продолжил детально рассказывать, как обнаружили факты, начиная с утренней встречи с Генри Морганом и заканчивая разговором с Винном.

Тем временем Хусани взял один из стульев и сел на него.

– И как ты думаешь убедить остальную команду?

– Пока не нужно, чтобы они знали правду, – ответил Роджерс. Но ему тут же вспомнилось предостережение Винна: «*Тот, кто ищет сокровище, должен заплатить за него*».

Его пронзило чувство тревоги, словно некий дамоклов меч повис над его головой. Он постарался встряхнуться. Он не мог позволить себе сомневаться. Ему на помощь пришел

О'Хара.

– Какие гарантии предлагает губернатор? – любопытно спросил он.

Роджерс улыбнулся. Обезображенная часть лица превратилась в гримасу, которая заставила бы содрогнуться даже самого смелого человека.

– Эта миссия будет разворачиваться на законном основании. После казни Морган пошлет мне новое гербовое письмо.

– Храни Бог короля! – проговорил Хусани с издевкой.

Некоторые из мужчин прекратили храпеть, бормоча во сне невнятные слова. Потом храп возобновился.

– Никто не знает настоящих намерений губернатора, – прошептал Роджерс. – Даже Его Величество. Если Винн сказал правду, то эта карта приведет нас к невообразимому сокровищу.

О'Хара поднял свой бокал. Он не выпил ни одной капли с тех пор, как они начали беседу.

– Чтобы удача нам улыбнулась.

– За наше здоровье, – присоединился к нему Роджерс.

– Пусть Дьявол тебя проведет, капитан! – огромный африканец тоже присоединился к ним.

Большая часть ночи прошла в дискуссии о том, как организовать путешествие. Они сошлись на том, что понадобятся, по крайней мере, пять дней, чтобы снарядить «*Делицию*». Потому у них было достаточно времени, чтобы под-

готовиться к экспедиции. Но сердце Роджерса терзали предчувствия. Несмотря на то, что все казалось спокойным, страх мучил его почти весь вечер. В ушах, помимо предупреждения француза, стояло восклицание Хусани.

« Пусть Дьявол тебя проведет, капитан! »

Колокола единственной церкви Порта-Ройала оглушительно зазвенели при первых рассветных лучах.

Джонни проснулся от этого шума. Звон яростно бил у него в висках, что было явным признаком того, что он спал мало и плохо. Он приоткрыл глаза. Прямо над собой он увидел лицо, плавающее в воздухе. Сначала он даже не узнал его. Фигура спящей Энни частично закрывала обзор. Наконец Джонни сфокусировал взгляд и услышал голос Бартоломеу, который приветствовал его со своим привычным акцентом.

– Хотя бы попытайся сказать по-английски, – взмолился Джонни. – Я не спал почти всю ночь, у меня страшно болит голова.

– Ты прав, – усмехнулся тот. – Извини.

Джонни с трудом поднялся. Ноги неумолимо подгибались. Он сумел избежать падения только потому, что португалец успел подхватить его. Он взял его под руки и поставил у подножья кровати.

– Я позабочусь об этом, – сказал Бартоломеу и направился открыть ставни. Поток свежего воздуха ворвался в ком-

нату. Солнце проникло внутрь, резко очерчивая его фигуру на фоне утреннего света.

У него было острое лицо увенчанное копной черных волос, завязанных в хвостик. Темные глубокие глаза придавали ему грозный вид, который усиливался черными бровями, соединяющимися на переносице. Верхняя губа была обрамлена ястребиными усами.

– Как твоя мать? – спросил он.

– Плохо, – ответил Джонни.

Оба посмотрели на Энни. Она все еще спала. Несмотря на расслабленное дыхание, она, вероятно, провела нелегкую ночь. Это было видно по страдающему выражению лица.

– Оставим ее отдыхать, – продолжил Бартоломеу. – Делать нечего.

– Но...

– Никаких возражений, – остановил его Бартоломеу. – Пойдем со мной. Нам надо поговорить.

Парень согласился, хотя и неохотно. Они спустились на нижний этаж и сели на табуреты, стоящие за прилавком.

– Вчера здесь был Беннет, – начал Бартоломеу, взяв пыльную бутылку рома. – Мне неважно то, чем вы занимаетесь, а также ваши сказки, которые вы рассказываете, чтобы не беспокоить твою мать.

После последних событий Джонни совсем забыл об этом. Он инстинктивно прикоснулся пальцем к носу. Отек, как и боль, спали. К счастью, Энни, кажется, ничего не заметила.

« В таком состоянии она и не могла заметить », – подумал он.

– Она сильная женщина, – подчеркнул хозяин, – но ты не имеешь права творить всякие глупости. Пацан, который докучает тебе сегодня, завтра станет пьяницей, который тебя зарежет.

– Это одна из твоих аксиом?

Португалец нахмурился. Презрительный тон, с которым парень произнес это, не нравился ему. Он отпил ликеру.

– Нет, – ответил он с ехидной усмешкой. – Я придумал это только что.

Джонни опасался, что последует очередная головомойка, и он был готов вскочить, как пружина. Ему все было безразлично, кроме его матери. Любая простая острота португальца могла вывести его из себя.

– Выпей и ты, давай, – подбодрил его Бартоломеу, протягивая бутылку.

– С утра?

– Рано или поздно ты должен стать мужчиной. Покажи мне, из чего ты сделан. Смелее!

Терпкий сильный аромат рома ударил в нос Джонни, который не смог сдержать гримасу отвращения. Он осторожно прикоснулся губами к горлышку и запрокинул назад голову. Сладкая обжигающая жидкость полилась в горло. Добравшись до желудка, она обожгла его.

– Жжется! – воскликнул парень. Мощный кашель начал

вырваться наружу. Он сделал несколько шагов вперед под смеющимся взглядом Бартоломеу, который не мог не расхохотаться.

Губернатор по привычке просыпался ранним утром. Особенно, когда должен был присутствовать при казни. В такие моменты он вообще не мог уснуть, с нетерпением ожидая момента, когда начнется казнь.

Но в этот раз все было по-другому.

После ухода Роджерса он предпочел удалиться в свои покои, даже не прикоснувшись к еде. К напряжению прибавилась еще и бессонница, которую он приписывал чревоугодию. Зная, что не сможет уснуть, он приказал Феллнеру, своему личному дворецкому, прислать к нему одну из черных девиц, которые работали на кухне.

– Вы, должно быть, Абена, – сказал он, едва девица вошла в комнату.

Она ограничилась простым кивком и осталась стоять у двери, осматриваясь вокруг со смущенным видом.

– Не бойтесь, моя дорогая, подойдите ко мне, – с хозяйской улыбкой проговорил губернатор. – Располагайтесь.

– Сейчас, Ваше Превосходительство?

– Да.

Намек был прозрачным, и Абена начала раздеваться. Морган с интересом смотрел на нее, будто ребенок, наблюдающий неизвестное явление. Затем тоже начал раздевать-

ся. Он с силой схватил ее, и Абена позволила ему сделать это. Акт продлился недолго, но Морган казался удовлетворенным, после чего сразу уснул.

Следующим утром Феллнер вошел в комнату, неся поднос с бокалами вина и всем необходимым для утреннего туалета: чаша с холодной водой, чаша с рисовой мукой, баночки с гримом и несколько ароматизированных салфеток.

– Доброе утро, Ваше Превосходительство, – сказал он.

Морган что-то пробормотал в ответ, потом взял бокал и, не раздумывая, отпил глоток. Несмотря на то, что он был самым важным лицом в Порт-Ройале, многие до сих пор воспринимали его, как пирата, за его убогие и мелочные манеры.

– Отличный день для казни через повешение, – заметил Феллнер. Он раздвинул шторы на окне и поставил на комод в стиле барокко все необходимое для подготовки к новому дню.

– А где девушка? – спросил губернатор. Он протянул руку, будучи уверенным, что она все еще спит под боком.

Феллнер не смутился. Он взял парик и посыпал его рисовой мукой.

– Она ушла из Вашей комнаты без разрешения. Кто-то из садовников видел, как она вернулась в свою комнату ночью. Эти негры на самом деле наглые. Я сожалею, что послал ее к Вам.

– Неважно, – пробормотал он. Поднявшись с кровати, он

подошел к столику. – Отправьте ее за решетку и прикажите выпороть.

– Как прикажете.

Морган начал смачивать лицо. Закончив, он принялся разглядывать его в отражении зеркала.

– Вы допросили кучера?

Дворецкий протянул салфетку и помог ему вытереться.

– Кажется, капитан Роджерс отправился в бордель. Он захотел потратить немного Ваших денег.

– Это приемлемо.

– Вы ему доверяете?

Вопрос Феллнера показался нескромным. Морган всегда считал его мелким человеком. Не только по внешнему виду, но и по характеру. Он редко позволял себе высказать личное суждение.

– Абсолютно нет, – ответил он. – Тем не менее, это самый умный корсар, когда-либо встречавшийся в Карибском море. – Он отвинтил крышку баночки с гримом и нанес его на шею и лицо, придавая им бледный оттенок. Потом добавил красных румян на щеки и губы. – Наша карета готова?

– Конечно, – ответил Феллнер.

– Отлично, – прокомментировал Морган и принялся одеваться в самую элегантную и официальную одежду из своего гардероба: белая шелковая рубашка и трико того же цвета. Поверх всего этого он надел синий костюм. Картину завершал непременно парик, который скрывал яркие рыжие во-

лосы.

Закончив одеваться, Морган сделал шаг назад, чтобы дать возможность дворецкому оценить его внешний вид. Филлнер поправил ему воротничок и удовлетворенно кивнул.

– Вы отлично выглядите, Ваше Превосходительство, – сказал он.

– Тогда поторопимся, – направился Морган к выходу из комнаты в сторону широкой лестницы. – Эта проклятая жилетка давит меня.

Джонни снова начал кашлять, как только вышел из гостиницы. После приключения с ромом Бартоломеу посоветовал ему выпить глоток меда, полагая, что это поможет.

Но этого не случилось.

Джонни побежал по улице, потом упал на колени и закрыл грудь руками, вызывая рвоту. Кислый запах желудочного сока ударил ему в нос, а зрение поплыло. Ему пришлось подождать несколько мгновений, прежде чем подняться.

– Какая гадость, – выдохнул он, бросаясь прочь из переулка.

– Убирайся с дороги! – послышался мощный голос солдата. Вместе со своими напарниками он тащил безжизненное тело какого-то мужчины. Один из них держал его подмышки, волоча по дороге, в тишине этого жаркого утра.

Что-то было здесь не так. Мысль родилась в мозгу Джонни спонтанно, но она не относилась к убитому, а скорее к отсут-

ствию толпы, которая обычно заполняла главную улицу. И Джонни удивился еще больше, когда понял, что закрыты все киоски торговцев, которые ушли в порт. Даже проститутки исчезли.

– Но конечно же! – воскликнул он. Джонни позвал одного из солдат, который шел позади остальных. – Казнь уже началась?

Солдат сделал вид, что не понял его вопроса.

– Нет еще, – все-таки ответил он. – Если поторопишься...

Джонни не стал слушать фразу до конца, а бросился бежать со всех ног, следуя за толпой, которая тянулась к порту.

х

Сев в карету, Морган был озадачен, увидев Роджерса, удобно устроившегося на подушках, разложенных на сиденьях. Он казался спокойным, без тени тревоги. И именно эта уверенность нервировала Моргана.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, не сумев скрыть свою нервозность.

– Я подумал, что Вам нужна компания, – ответил корсар.

– Вы слишком много думаете, капитан.

– Не сердитесь. Тем более это именно Вы вовлекли меня в это дело.

Морган решил не отвечать. В его жизни было мало тех, кто мог разозлить его. И один из них сидел напротив него. Никто никогда не посмел бы играть с ним так открыто.

– Вы намерены продолжить? – спросил Морган его.

– Это будет непросто, – объяснил Роджерс. – На карте нет ориентиров. Мы должны будем плыть вслепую.

– Я уверен, что вы это сможете.

Роджерс пожал плечами, словно это дело его мало интересовало. С тех пор, как они отъехали, он только и делал, что смотрел в окошко.

Губернатор же погрузился в размышления о том, что Порт-Ройал стал, несомненно, богатой колонией, хотя и не самой приятной. Ярким подтверждением тому была зона, которую они как раз проезжали. Улочки были узкими и грязными, здания, прилипшие друг к другу, были в плачевном состоянии, да и с поселенцами было что-то не так. Но, будучи жадным и приспособливающимся человеком, он пришел к выводу, что смог бы использовать город в своих интересах. Так какая же была разница между пиратом и политиком?

– Через несколько дней мы отплываем, – начал Роджерс. – Экипаж должен завершить последние приготовления. Пока я не посвящал команду в детали путешествия.

– Чем меньше людей вовлечено, тем больше нам достанется.

– Тем не менее, я не смогу долго скрывать от команды наши реальные цели. Иначе я рискую получить мятеж на борту.

– Вы ничем не рискуете, капитан, – отозвался Морган. – А даже если так, Вы все равно имеете много денег плюс новое правительственное письмо.

– Вас не испугали бредни Винна?

– Абсолютно нет.

– Как так?

– Если это бред сумасшедшего, нам все равно нечего терять, – губернатор смахнул со своего костюма невидимую пылинку. – В настоящее время отец Маккензи исповедует заключенного. Для него это может иметь значение.

– Все мы грешники, – изрек корсар.

– Этот мир циничен и жесток. Вы знаете это лучше меня. Не будем строить из себя моралистов. Или, может, у Вас есть в роду пуритане?

– Мой род неважен.

– Тогда почему эта неожиданная лекция о морали?

– Это не было упреком, – сухо ответил Роджерс.

– Конечно-конечно, – коротко сказал Морган. – Монсеньор Винн может отдать свою отвратительную душонку Творцу без дальнейших церемоний. Мы получили то, что хотели знать. Если толпа будет многочисленной, тем лучше. Это позволит нам завладеть населением. Они поймут, что от суда божьего нельзя укрыться.

Корсар пробормотал что-то без энтузиазма.

– Казнь Винна будет незабываемым событием, – бросил Морган напоследок, въезжая в Форт Чарльз.

Площадь была разделена на две части: нижняя часть, где собралась толпа, и верхняя, где была поставлена виселица.

Они соединялись каменными ступенями, на которых стояли десятки солдат. Вокруг были возведены казармы, которые служили как жильем, так и складом оружия и боеприпасов. Несколько проходов соединяли основное здание крепости с бастионами, и каждый имел свою батарею пушек. Самая южная стена выходила в море. Там возвышалась сторожевая башня.

Как только Джонни прошел через ворота, то сразу же оказался в шумной и беспорядочной толпе. Вначале его накрыло пугающее ощущение потерянности, совершенно неуместное в таком обезоруживающем месте.

С того места, где он стоял, виселица была видна плохо. Ему нужно было найти способ, чтобы подойти поближе. Удача улыбнулась ему в лице прибывшей кареты губернатора. Толпа была вынуждена расступиться, и Джонни воспользовался возможностью подобраться поближе. Ему удалось это без каких-либо трудностей. Но вдруг чья-то рука сжала его плечо. Он с трудом сглотнул, боясь себе представить, кто это мог быть. Вероятно, солдату не понравилось то, что он сделал. Прошла вечность, прежде чем он обернулся.

– Что ты здесь делаешь? – обратился к нему Эвери, застав врасплох.

– Ты так меня напугал, – смущенно пробормотал Джонни.
– Я подумал, что это кто-то из гвардии.

Старик усмехнулся, показав свои немногочисленные зубы.

– У тебя, случайно, не загрязнилась ли совесть, щенок? Боишься оказаться там? – протянул он лениво руку вперед.

Проследив взглядом в указываемом направлении, Джонни удивился, насколько простым было сооружение, которое возводили солдаты: перекладина, поддерживаемая столбами, с которой свисала петля. Все это было водружено на пьедестал, поднятый на три метра от земли, куда можно было взобраться по лестнице.

– Ты многих видел, кто оказался на виселице? – спросил Джонни.

– О да, – лицо Эвери дрогнуло, а взгляд стал пустым. – Этим людям неинтересны заключенные, их заботит сломанная шея. Опыт научил меня быть нечувствительным. Со временем и ты научишься этому.

Джонни был изумлен. Он ясно услышал нотки страдания в голосе старика, будто ему вспомнилось нечто болезненное. *«Если это правда, что он присутствовал при стольких казнях, он должен был бы привыкнуть. Почему же он так взволнован?»*

Ответ нарисовало его воображение: *«Беннет Эвери пират, Джон. Разве ты еще не понял? Слухи о нем правдивы. Он был на борту «Мести королевы Анны». Может, он даже знает того, кого собираются повесить».*

Его размышления прервались бешеным криком толпы. Кто-то начал воспевать появление губернатора. Морган вышел из кареты в сопровождении другого человека. Оба под-

нялись по ступеням к той зоне площади, где стояла виселица.

– Некоторые люди никогда не меняются, – пробормотал мрачно Эвери.

– В каком смысле? – не понял Джонни.

– Прежде чем заняться политикой, – сказал тот, – губернатор был пиратом, лишенным совести, – волнение на его лице сменилось злобной маской. – Он не гнушался тем, чтобы убивать членов собственной команды. Он был вторым по жестокости после Эдварда Тича, – произнеся это имя, он содрогнулся так, что парень ощутил это. – Человека, что идет за ним, зовут Роджерс Вудс. Он корсар. И он имеет репутацию самого ожесточенного охотника за пиратами.

– Почему же они тогда идут вместе?

– Золото творит чудеса.

– В этом нет смысла.

– Этому ты тоже должен научиться, – заявил Эвери с грустью. – Многие люди попрощались с жизнью в отчаянной попытке увеличить свое богатство. Это неизлечимая болезнь.

Джонни кивнул. Он понял, что старик хотел сказать, хотя почти ничего не знал о деньгах. Когда его отец управлял торговой компанией, он был слишком маленьким, чтобы понять важность денег. Сейчас же те несколько монет, что ему доводилось держать в руках, уже казались ему сокровищем.

– Они начинают, – заметил старик. – Вон палач.

Из казарм появился какой-то одержимый в сопровожде-

нии молодого парня, который держал через плечо барабан. Поприветствовав губернатора и его гостя легким кивком головы, он тяжело вскарабкался по лестнице.

По толпе пробежал шепот, словно нарастающая волна. В действие вступил барабан, и с другой стороны появились три солдата. Последний тащил измученного мужчину, одетого в лохмотья. Он хромал, руки были связаны за спиной, а жирные лохматые волосы падали на лицо. Большая часть тела была покрыта глубокими ранами, некоторые из которых кровоточили.

Из толпы слышались смешки и выкрики, а кто-то принялся кидать овощи. Один даже бросил камень, попавший узнику в лоб. Тот пошатнулся, почти упал, но потом вернул равновесие и поднял лицо, взглянув на толпу.

– Иди! – крикнул на него солдат.

– Сволочь! – вторили ему люди.

Узник медленно, хромя, двинулся к виселице, около которой был вынужден остановиться. Молодой человек прекратил бить в барабан, а один из солдат привлек внимание присутствующих тем, что развернул пергамент и начал зачитывать написанное:

– По приказу его Величества и губернатора Ямайки, сэра Генри Моргана, присутствующий здесь Эмануэль Винн приговорен к смерти через повешение. Его обвиняют в убийствах, грабежах, похищениях и пиратстве.

Последнее слово вызвало такое неконтролируемое

неистовство среди присутствующих, что Джонни даже испугался за свою жизнь. Он заметил, что люди были объаты яростью, какой он никогда не видел. Все кричали вне зависимости от пола и возраста. Многие бросились к лестнице, объатые жаждой лично вздернуть пирата. Солдаты были вынуждены вмешаться и достать оружие, чтобы усмирить людей.

« Вот что имел в виду Эвери, – подумал Джонни. – Его хотят видеть мертвым. Другое им не интересно ».

– Вы признаете себя виновным? – спросил солдат, повернувшись к Винну. Обычный простой и очевидный вопрос, который не требовал ответа.

Пират не ответил.

– Пусть Бог помилует Вашу душу, – закончил мужчина. Затем свернул пергамент обратно и бросил взгляд на губернатора, который лениво махнул рукой.

Не теряя времени, Винна заставили подняться. Где-то на середине лестницы его колени подогнулись, и он едва не упал назад. Толпа протестующе заорала. Один из солдат подхватил его и заставил подниматься дальше.

– Его судьба predetermined, – сказал Джонни удрученно. – Зачем так ожесточаться в его отношении?

Он ждал, что Эвери вмешается, выскажется о своем участии. Не получив ответа, Джонни повернул к нему лицо.

То, что он увидел, ошеломило его.

Глаза старика блестели, отражая лучи солнца. Он сдерживался, чтобы не заплакать только потому, что не хотел пока-

зять своего состояния.

Тем временем Винн уже подошел к виселице, поступив в распоряжение палача. Десятки голосов снова выразили свое презрение, сопровождаемое гулкими ударами барабана. Кейн аккуратно поставил приговоренного над люком и обвязал веревку вокруг шеи. Все замерло, даже воздух. Даже шум волн вдалеке затих.

Но француз смог удивить присутствующих. Он вдруг начал громко смеяться, перекрывая шум барабана и гул беснующейся толпы. Это произвело эффект пушки, выстрелившей совсем близко.

– Вот как я отблагодарен за то, что открыл место, где спрятано самое большое сокровище мира, которое кто-либо когда-нибудь видел! – закричал он.

Замораживающая тишина повисла над Фортом Чарльз. Казалось, от безумия, наполнявшего мозг пирата, не осталось и следа. Даже Генри Морган уставился на него, широко раскрыв рот с выражением полного идиота.

– Губернатор, – повернулся к нему Винн, – куда Вы дели карту, где я начертил, как добраться до Треугольника Дьявола?

По толпе пронесся ропот. Как и многие другие, Джонни повернулся, чтобы посмотреть на Моргана. Под бледным гримом можно было заметить румянец, покрывший его щеки от злости. Потом Джонни перевел взгляд на Эвери. Но прежде чем его взгляд встретился со взглядом старика,

он остановился на силуэте другого человека, который стоял неподалеку от них.

Это был пират с золотыми зубами.

Парень пошатнулся, словно кто-то ударил его в живот. Человек же был сконцентрирован на словах Винна. За долю секунды Джонни убедился, что узнает его улыбку.

– Зачем он пришел? – пробормотал он. Его уверенность становилась абсолютной, развеивая малейшие сомнения. Тот тип пугал его так, что у него сперло дыхание.

– Что ты сказал? – спросил Эвери.

– Там внизу... – фраза застряла у него в горле. Человек исчез. Он отчаянно искал его взглядом, внимательно исследуя толпу, окружающую его, но его больше нигде не было.

Меж тем Винн продолжал кричать:

– Если моя судьба такова, что я должен отправиться в ад, так пошевеливайтесь!

Морган, казалось, впал в апатию. Он отдал серию приказаний, и никто не смог послушаться. Винн во второй раз рассмеялся громким смехом, породив тем самым еще большую сумятицу, охватившую всю крепость.

– Кейн! – закричал он. – Люк! Открой этот проклятый люк! Идиот! Чего ты ждешь?

Палач схватился за рычаг механизма и дернул на себя. Послышался лязг и скрип. Затем Винн повис в пустоте, барахтаясь и покачиваясь в воздухе. Несмотря на яростные движения, его шея не сломалась. Но не только это. Несмотря на

то, что он задыхался, он не прекращал хохотать. Его лицо начало становиться багровым, а язык вывалился изо рта. Из-за спазмов он прикусывал его, пока не откусил окончательно. Поток крови залил его губы и щеки, словно лепестки цветущей розы.

– Прекратите это кто-нибудь! – заорал Морган, которого тоже охватило безумие от того, что он видел.

Лишь человек, стоящий рядом, решил действовать.

Он бросился к виселице и достал саблю. Взобравшись на помост, он оказался в руках Кейна, который, удивленный его появлением, инстинктивно попытался остановить. Решительно ударив саблей по веревке, человек разорвал ее, и француз рухнул на мостовую. Это сопровождалось неприятным хрустом сломавшихся костей. Он пару раз обернулся вокруг оси, издавая различные звуки, после чего тело неподвижно замерло.

У Джонни сердце ушло в пятки. Образ Винна был выгравирован в нем, словно огненный след. С этим ничего нельзя было поделать. Он различал каждую деталь: от неестественного положения тела пирата, сломанных ног и согнутого туловища до яростного и грязного лица, залитого кровью. Отвращение от этой казни предстало во всем своем ужасе.

– Пойдем, Джонни, – позвал его Беннет Эвери. – Я услышал то, что хотел. И потом, мне не нравится все это безумие.

Парень кивнул, еще более поразившись: старик очень редко звал его по имени. Его охватило странное ощущение, не

внушающее доверия. Фантазия закрутила его в своем потоке, рассеивая все сомнения: Эвери знал больше, чем говорил, и настало время выяснить, что именно он знал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МЕРТВЫЕ НЕ РАЗГОВАРИВАЮТ

– Проклятье!

В безудержном порыве Морган перевернул предметы, стоящие на письменном столе, включая мореходные карты, хорошо обработанный секстант и письмо с печатью для Роджерса.

– Мерзкий оборванец! – выкрикнул он. – Он заслуживал в сто раз больших страданий!

Напротив него на дамасском диване сидел корсар с несколько отстраненным выражением лица.

– При всем должном уважении... – попытался он вставить слово.

– Помолчите! – прервал его губернатор.

Последовало долгое глубокое молчание, которое нарушалось только тяжелым дыханием. Роджерс предпочитал подчиниться. Лучше подождать, когда губернатор успокоится, и лишь потом высказать свои мысли.

Откровения Винна смогли подорвать и без того не самую лучшую репутацию Моргана в колониях. Политическая карьера и дружеские отношения с властью не особо помогали ему, а за почтительным уважением прятались лицемерие и конформизм. В довершение всего новость о сокровище те-

перь облетит весь Порт-Ройал. За короткое время она однозначно достигнет нескромных ушей.

«Когда король Георг узнает, что деньги, выданные пирату, потрачены на личные интересы, у тебя будут серьезные трудности», – подумал Роджерс. Его показное равнодушие, разумеется, не имело ничего общего с бескорыстием. Дело было серьезным, и из него можно было получить пользу.

– Как Вам удастся оставаться невозмутимым? – спросил его Морган, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

Роджерс молча поднялся. Он намеривался тщательно взвесить слова, прежде чем произнести их, чтобы избежать возможной вспышки гнева губернатора, но в то же время дать ему понять, что к таким людям нужно относиться с правильной выдержкой. Он принялся ходить взад-вперед по комнате.

– При всем должном уважении, – повторил он, – я считаю, что реагировать таким образом бесполезно. Теперь Винн сделал Ваши дела общим посмешищем.

– И Вам кажется это мелочью?

– Абсолютно.

– Но он поиздевался над всеми нами! – вскричал Морган.

– Неправда, – возмутился Роджерс. – Его развлекало обводить вокруг пальца только Вас, Ваше Превосходительство. Потому нет никакого толку ругаться на мертвого. Думаете, что так Вы сможете удержать ситуацию под контролем? Вы ошибаетесь!

Губернатор побагровел, а рот его сжался в тонкую линию. Его подстершийся грим делал его еще более комичным, чем обычно. Глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит.

Видя его в таком состоянии, Роджер удовлетворенно улыбнулся.

– Если только Вы не решите сделать выбор, – проговорил он. – Я имею в виду... – умышленно не договорил он, делая вид, что размышляет, прикоснувшись пальцем к губам. Он хотел, чтобы его жест выглядел так, будто он раздумывает над тем, как помочь. Хотя на самом деле он думал о другом: *«Ты потерял контроль над ситуацией, Генри. Признай это. Этот пират сыграл с тобой отличную шутку. Может, он в самом деле был сумасшедшим. А, может, нет. Кто теперь знает?»*

– Смелее! – воскликнул Морган, побуждая высказаться. Он начал массировать виски от напряжения.

– Я могу отплыть раньше на пару дней, – начал Роджерс. – Это может помочь выиграть время, но повлечет изменения в соглашении. Я почти уверен, что команда не воспримет это положительно.

– Если проблема в деньгах... – осмелился предположить губернатор.

– Это касается сокровища, – поднял корсар с пола официальное письмо и поднес к глазам, прежде чем положить в карман.

– Все, что хотите! – ударил Морган руками по столу. – Мы

должны прибыть туда раньше кого бы то ни было. Начать раньше могло бы означать спасение от унижения и позволило бы избежать ссоры с Его Величеством.

– Он этого не узнает. Даже если новость дойдет до Суда, нет никаких доказательств. И потом, Треугольник Дьявола всегда считался легендой.

– В этом Вы правы.

– А если слухи о том, что Вы заплатили команде пиратов, распространятся, чем Вам будет грозить эта вовлеченность? Последний член команды Беллами мертв.

– Следовательно?

– Следовательно, установленная цена правильная, – заявил Роджерс, желая успокоить своего собеседника и сфокусировать его внимание на своих словах. – Но для гарантии моей верности и верности моих людей я претендую на 80 процентов.

– Вы сошли с ума! – вскричал Морган, который готов был упасть в обморок.

– Мой разум никогда еще не был таким здоровым.

– Это грабеж!

– Вы можете принять это условие или отклонить.

– Сойдемся на 40%, – предложил губернатор.

– Вы жадный человек, Ваша Превосходительство, – пожал плечами корсар. – Вы задеваете мою гордость, если полагаете, что я соглашусь на 40%. Помните, что если все пройдет хорошо, Вам даже не нужно будет делиться с королем.

– 50%, капитан. И оставим этот вопрос.

– С половиной я не могу гарантировать, что слухи об этой истории не распространятся по свету.

– Тогда 60%.

– 70!

Морган бесстрастно смотрел перед собой, уперев локти в стол и скрестив руки.

– Согласен, – изрек он, наконец. – Семьдесят.

– Вы мудры, – протянул Роджерс руку в ожидании ответного жеста. Когда тот протянул руку в ответ, корсар сжал ее: – С Вашего разрешения, я хотел бы попросить Вас кое о чем.

– Еще?

– После всех долгих лет службе на благо короны, я полагаю, что заслуживаю нечто большее, чем официальное письмо. Я хотел бы получить вознаграждение в виде собственности и титула, признанного королем.

– То есть политическая карьера?

– Именно!

– Вне зависимости от того, какие выгоды принесет путешествие?

Роджерс кивнул.

– Как пожелаете, – обессиленно проговорил Морган. – Мы позаботимся о Вас в Суде.

– Благодарю Вас, – отпустил корсар его руку и быстрым шагом направился в сторону двери. Прежде чем выйти, он на миг остановился. – Любое обещание – это долг выполнить

его. Помните об этом, Ваше Превосходительство.

С этими словами он вышел прочь.

Энни сидела на кровати, прислонившись спиной к стене, и смотрела в окно. В руках она держала чашку с супом. Волосы, обрамляющие лицо, колыхались от легкого ветерка, который раздувал закат. Они больше не напоминали умирающего осьминога. Скорее пучок пшеницы, качающийся на ветру. Бледное лицо было покрыто легким румянцем. По крайней мере, в тот момент болезнь отступила.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил ее Джонни, входя в комнату. Он провел весь день в беспокойстве, за исключением того момента, когда наблюдал за казнью Винна. Присутствие при смерти пирата наполнило его ужасом, который моментально исчез в тревоге за состояние здоровья матери.

– Устала, – ответила она слабым голосом. – Пока тебя не было, Бартоломеу позаботился обо мне. Он был очень любезен. Приготовил мне ужин, погляди, – желая показать ему еду, она попробовала сделать глоток.

– Дай это мне, – сел парень рядом с ней и начал кормить ее. Запах супа заставил его желудок сжаться от голода.

– Ты ел? – поинтересовалась Энни.

– Конечно, – солгал он. Он со вчерашнего вечера ничего не ел. Хуже того: все то, что он съел, осталось лежать в каком-то переулке после того, как он попробовал ром, предложенный португальцем.

Время от времени он промокал уголки ее рта салфеткой. Энни улыбалась, пытаясь проглотить суп. Когда с едой было покончено, Джонни помог ей улечься в кровать.

– Мне не хочется спать, – запротестовала женщина.

– Тебе надо отдохнуть, – посмотрел на нее Джонни взглядом, не терпящим возражений.

Аккуратно положив голову на подушку, она проговорила:

– Как странно, ты не находишь? Всегда я заботилась о тебе.

– Не утруждай себя разговорами.

– Я с самого утра не кашляю, – казалось, Энни не услышала его.

– Ты поправишься, верь мне.

– Дай бог.

Между ними легло короткое молчание, во время которого Джонни испытал сильное чувство вины. Будто он был узником в теле, которое ему не принадлежало, и он был вынужден беспомощно наблюдать за болезнью матери. Он видел ее через разноцветный kaleidoscope, стеклышки которого отражали боль и неуверенность. Он хотел сбежать, как можно дальше, чтобы не видеть ее в таком состоянии.

– Тебе лучше отдохнуть, – сказал он, беря чашку и ковш. – Бартоломеу нуждается во мне. Я могу оставить тебя одну? – со страхом спросил он, боясь, что она попросит его не уходить.

Но Энни удивила его, спокойно произнеся:

– Иди, конечно, и не волнуйся. Увидимся, когда закончишь.

– Согласен.

– Я люблю тебя, Джон.

– Я тебя тоже, – ответил он. Потом нагнулся и поцеловал ее в лоб.

Вечером Джонни заметил, что голова Бартоломеу чем-то занята. Он произнес всего несколько слов, и Джонни понял, что он кого-то ждет, потому что продолжал бросать непрерывные взоры на дверь и каждый раз, когда она открывалась, он затаивал дыхание в мучительном ожидании. Тем не менее, Джонни предпочел не вмешиваться в это, поскольку был занят обслуживанием клиентов.

Но некоторые разговоры, которые он услышал, неизбежно привлекли его внимание и воспламенили фантазию. Были те, кто обсуждал ужасную смерть Винна, и те, кто поддерживал капитана Роджерса, который готовился к какой-то загадочной экспедиции.

Когда последний клиент покинул заведение, Бартоломеу приказал парню закрыть кухню и помыть посуду. Потом он начал ходить по помещению и гасить свечи. Зал погрузился в темноту, освещаемую лишь несколькими тусклыми свечами.

Джонни провел целый час за мойкой бесконечных тарелок и бокалов. От невыносимого аромата специй его глаза покраснели, а нос заложило. Он боялся, что потеряет созна-

ние. Но потом стал привыкать к запаху. Он мыл глиняный кувшин, когда дверь с другой стороны помещения с треском растворилась.

– Наконец-то, ты явился, – послышался голос Бартоломеу.

– У меня было много дел.

Джонни узнал голос Эвери. После работы он сказал ему, что плохо себя чувствует и хочет лечь спать пораньше. Почему же он тогда пришел сюда?

– Мы одни, Барт? – спросил старик.

– Не беспокойся, – ответил Бартоломеу. – Сопляк занят на кухне. За хорошую цену. А теперь сядь и объясни мне, что ты хотел мне сказать.

Послышался звук отодвигаемых стульев. Джонни осторожно приблизился к двери, которая соединяла кухню с главным залом. Он медленно открыл ее, приоткрыв небольшую щелку, позволяющую подслушать разговор.

– Как Энни? – спросил Эвери.

– Не очень хорошо, – ответил португалец. – Ей стало немного лучше в последние дни, это дает надежду. Но без осмотра врача нельзя быть уверенным.

– Но именно это она не хочет.

– Да.

Джонни вздрогнул. Слышать, как эти двое беспокоятся за состояние его матери, было приятно. Он еще шире раскрыл дверь и просунул в щель голову. Теперь он хорошо видел спину Эвери.

– Но я хотел поговорить не об этом, – сказал старик, – а о том, что случилось с Винном. Я был на казни.

– Ты знал его? – спросил Бартоломеу.

– Мы плавали на одном корабле.

Парень едва смог подавить возглас удивления. Значит, все эти слухи вокруг Эвери были правдой? Он, в самом деле, был пиратом? Надо было найти способ, чтобы разоблачить его.

Джонни выскользнул из кухни, толкая дверь так медленно, что потребовалась вечность, чтобы открыть ее. Ползя, словно маленький ребенок, он приблизился к столу и остановился, чтобы унять сердцебиение. Он чувствовал, как пульс бьется в висках. В правой руке он до сих пор держал кувшин для вина, забыв его оставить на кухне. Возбуждение было таким сильным, что Джонни даже не заметил, как прислонился к стойке с бутылками. Но движение заставило их зазвенеть. Глаза его расширились от страха. Долю секунды ничего не происходило. Потом он услышал приближающиеся шаги. И поднял взгляд. Огромная ручища Бартоломеу возникла прямо над его головой. Она была в нескольких сантиметрах. Он даже почувствовал ее запах. Он готов был схватить его за волосы и вытащить... но рука опустилась на стойку и взяла оттуда одну из бутылок. Потом мужчина вернулся обратно.

– Это не объясняет, почему ты хотел увидеть меня, – проговорил Бартоломеу, откупоривая пробку.

– Скоро поясню, – ответил Эвери.

Снова послышались шаги, сопроводившиеся затем зво-

ном бокалов, которые мужчина поставил рядом. Джонни сместился к краю стола, и увидел, как они наполняют их чем-то.

– Винн сделал много плохого, – произнес старик, отпивая ром. – Но он был бедным неудачником. И не заслуживал такой смерти.

– Лучше он, чем мы, – заявил Бартоломеу.

Выражение лица Эвери было смесью недоверия и неуверенности.

– Боишься, что нас раскроют? – спросил он португальца.

Тот не ответил. Старик начал оглядываться. Потом произнес, понизив голос до едва слышимого шепота:

– Вопрос касается того, что он сказал перед тем, как его казнили.

Джонни вздрогнул, вжавшись в стол. Он вспомнил пирата, раскачивающегося на петле, дрыгающего в воздухе ногами, с кровью, которая стекала у него изо рта.

– Имеешь в виду Треугольник Дьявола?

– Слухи быстро распространяются, Барт.

– Это все пустяки, – постарался тот разрядить обстановку.

– Это место существует, – посмотрел на него Эвери взглядом, полным уверенности и... угрозы. – Даже самый наивный моряк знает эту легенду. Но я могу тебя уверить, что он существует.

– Брось!

– Хочешь, я расскажу тебя одну историю?

Португалец проворчал что-то невразумительное.

– Хорошо, – Эвери налил себе еще рома. Его корявые пальцы дрожали, потому ром потек по горлышку бутылки. – Все началось несколько лет назад. С командой, частью которой я был, мы высадились на острове рядом с Антигуа. Там мы стояли несколько дней, пытаясь понять, где находимся.

– Архипелаг Антильских островов известен своими островами, которые не обозначены на мореходных картах, – уточнил Бартоломеу.

– Я знаю, – ответил тот самодовольно. – Но что никто из нас не мог представить, так это то, что это место было заселено какими-то местными жителями.

– Какими?

– Племя калинаго.

Несколько секунд Бартоломеу молчал. Потом медленно покачал головой, будто все это до конца не убеждало его.

– Теми, что едят мертвецов? – спросил он.

– Именно, – ответил Эвери и коварно рассмеялся. Очевидно, все это забавляло его. Либо нервировало. Сложно сказать. – Дай мне продолжить, – допил он второй бокал рома и налил себе третий. – Капитан решил отправить туда экспедицию, чтобы исследовать остров. Мы безрезультатно ждали много дней их возвращения. Тогда решил отправиться он сам вместе с остальными. Включая Винна и меня. Команда была напряжена, хотя никто не смел ослушаться его распоряжений. Мы оставили шлюпку на пляже и углубились

В лес.

– И там встретили племя, – догадался Бартоломеу.

– Они нас искали, – уточнил старик мрачно. – Они поймали нас, как и наших товарищей. Я никогда не забуду тот момент, когда увидел их. Они похожи на зверей, которые не знают жалости, – он отпил еще глоток, и жидкость потекла у него по подбородку и шее. – Они едят еще живые жертвы с беспрецедентной жестокостью.

Выражение лица Бартоломеу изменилось. В отличие от своего собеседника он почти не пил ром, держа руки на столе. В тот момент он так сильнее сжал скрещенные пальцы, что они побелели.

– Как бы то ни было, – продолжил Эвери, – нашему капитану удалось спастись от этого шамана. Мы избежали смерти, но цена была слишком высокой.

Прижавшись к столу, Джонни начал дрожать. Дело заинтересовало его. Очень заинтересовало.

Но Эвери молчал, опрокидывая себе в рот третий стакан рома.

– Капитан заключил с ними договор, – медленно произнес тот. – Они рассказали ему о существовании великого сокровища, спрятанного на острове, расположенном на северо-востоке от Багамских островов. Они показали старинный рисунок, выгравированный на глиняной табличке. Положение этого места примерно совпадает с положением Треугольника.

– О чем шла речь в договоре?

– Капитан должен был отправиться на поиски сокровища.

Он мог забрать его себе, но взамен он должен был привезти шаману амулет.

– Амулет?

Эвери кивнул.

– Да. Нефритовый амулет.

– Зачем? – не понял Бартоломеу.

– Понятия не имею. Он сказал это только ему и его поверенным. Мы же были выгнаны за пределы хижины. Потом я узнал, что за амулет он гарантировал капитану возможность вернуть то, что тот потерял в прошлом, – он понизил голос.

– Кто знает, о чем шла речь.

– А потом?

– Как только шаман рассказал ему все, капитан согласился. В знак заключения соглашения оба сделали татуировку. Если кто-то из них не выполнит соглашение, этот знак приведет его к смерти.

– Суеверие, – бросил португалец.

– Думай, что хочешь, Барт, – настаивал Эвери. – Я говорю лишь о том, что видел своими глазами. И это ведет к Эмануэлю Винну. Потом я тебе объясню, – он издал мучительный стон, будто эти воспоминания все еще пугали его. – Я могу поклясться моей жизнью, что после этого капитан сошел с ума. Некоторые решили восстать. Их было тридцать человек, включая меня. Очевидно, капитан воспринял это пло-

хо и оставил нас на необитаемом острове к востоку от Пуэрто-Рико с единственной бутылкой рома и без еды. Но через несколько недель он вернулся забрать нас. Нас осталось пятнадцать.

Бартоломеу раскрыл рот в изумлении. Он стукнул себя по лбу, будто нечто неожиданное пришло ему в голову:

– Ты хочешь сказать, что...

– Именно, – опередил его Эвери, подтверждая худшее предположение. – Я был на борту «*Мести королевы Анны*» под командованием Черной Бороды.

От изумления Джонни упал назад, выставив инстинктивно руки и забыв о том, что в одной из них держал кувшин. Он потерял равновесие и снова ударился о стойку с бутылками. В этот раз раздалось более громкое дребезжание. Боль пронзила ему плечо, бутылки задрожали. Одна из них начала падать и, достигнув пола, разбилась. Осколки разлетелись по всему полу.

– Что это было? – вскочил со стула старик.

– Мышь, – предположил Бартоломеу и направился в ту сторону, откуда раздался шум. – Очень большая мышь.

Парня словно парализовало. Глаза распахнулись, зрачки расширились. Он слышал, как колотится сердце, словно оно сошло с ума. Удары больно отдавались в ушах, похожие на удары молотка, в то время как шаги португальца, казалось, исходили из далекого и неизвестного мира.

«*Я должен что-то предпринять*, – подумал Джонни. – Я

должен выбраться отсюда. Сейчас же!»

Но паника охватила его. Было похоже, словно он застрял в зыбучих песках, которые затягивали его все сильнее по мере того, как Бартоломеу приближался. Наконец, тень португальца угрожающе нависла над ним.

– Что ты здесь делаешь, сопляк? – спросил тот.

Джонни улыбнулся с глупым видом.

И понял, что попал впросак.

Он расположился между двумя пиратами. Свечи подрагивали от невидимого движения воздуха, делая очертания комнаты совершенно размытыми.

– У нас появился конспиратор, – усмехнулся Эвери.

– С каких пор ты там прячешься? – спросил Бартоломеу, садясь. Из его тона исчезло отцовское расположение, которое слышалось раньше. Осталось только возмущение.

– Я клянусь тебе, что не хотел, Барт... – пробормотал парень, дрожа всем телом.

Португалец ударил кулаком по столу.

– Твои оправдания меня не интересуют! Я спрашиваю тебя, с каких пор ты там прячешься. Отвечай!

– Достаточно посмотреть на него, чтобы понять, что он слышал все, – вмешался старик. Рот его искривился в усмешке, обнажая десны. – Но я знаю способ заставить его говорить, – сказал он, доставая из-под полога кинжал и размахивая им перед лицом Джонни.

В мгновение ока тот прекратил дышать. Лезвие сверкало по всей длине, холодное и безжалостное. Он подумал о ноже, который взял, чтобы отомстить Алехандро. Но их нельзя было сравнивать. Эвери разрубил бы его на части, как свинью.

– Это перебор, Беннет, – остановил его Бартоломеу, но при этом не сделал ни единого движения, чтобы остановить старика.

– Клин клином вышибают! – воскликнул Эвери, хватая Джонни за руку. Он прижал его к столу и занес нож.

Парень задохнулся от страха. Блеск лезвия пронзил его своим жестоким свечением. Он ощутил, что скоро оно воткнется в его тело. Мысль, что Эвери способен на подобное, напугала его больше, чем само его движение. Потому он не стал думать долго и залился слезами. Сквозь рыдания он рассказал то, что слышал. Когда он закончил, два пирата переглянулись. Потом начали громко смеяться. Джонни был ошеломлен, не понимая, что происходит.

Но потом до него дошло.

– Вы не собирались причинять мне зла, – сказал он, испытывая чувство страшного стыда. – Ты сделал вид, что хочешь убить меня, чтобы заставить говорить.

– Точно, – подтвердил Эвери. Он ослабил хватку и убрал кинжал. – Это старый трюк, который я использую, чтобы добыть сведения.

– Лучшая защита – это нападение, – вмешался португалец.

Оба снова рассмеялись. И Джонни, непонятно почему, присоединился к ним, чувствуя себя частью этого странного соучастия. Тот факт, что над ним насмеялись, волновал его мало, а страх уступил место неясному удовлетворению. Смутное ощущение, будто он вернулся домой после долгого путешествия и обнял свою семью.

– Я был вынужден сделать это, – сказал Эвери. – Я должен был преподать тебе хороший урок.

– Но вопрос в другом, – добавил Бартоломеу сухо. Он развязал пучок своих длинных волос и начал играть с прядью. – Теперь, когда ты знаешь правду, что ты намерен предпринять?

Парень изумился.

– Хочу знать больше, – заявил он.

Некоторое время все молчали. Оба морских волка оставались безмолвными, размышляя о произошедшем. Казалось, они пытались скрыть какой-то секрет.

Наконец старик нарушил молчание.

– Успокойся, – сказал он. – Твоя выдержка меня удивляет, потому, раз ты подслушал наши разговоры, нужно прояснить все. К тому же ты тоже присутствовал при казни Винна, – он опрокинул в рот очередной стакан рома. – Думаю, пришел момент объяснить тебе кое-что о нем. Он не был сумасшедшим, каким хотел казаться. Он оставил след о том, как добраться до Треугольника Дьявола.

– Я помню, что он говорил о карте, – проговорил Джонни.

– Я не об этом, – вытащил Эвери сигарету, наполнил ее щедрой горстью табака и засунул в рот. Потом он подал знак парню, чтобы тот передал ему огарок свечи. Взяв свечу, он зажег сигарету и начал курить. – У Винна один глаз был стеклянным. Он потерял свой настоящий глаз во время боя. После договора между Эдвардом Тичем и шаманом, они предложили ему заколдовать глаз, чтобы тот мог ориентироваться в тех водах.

Португалец улыбнулся невесело.

– Хочешь сказать, что речь идет о волшебстве, Беннет?

– Именно, – изрек тот убежденно.

– Я не верю в это, – отозвался Джонни.

– А должен, – обратил тот на него взволнованный взор, вытаращив глаза. – И поскольку никто не сделал этого, я решил эксгумировать повешенного. Вот почему я пришел поздно. Я был на кладбище.

Португалец перекрестился.

– Ты сошел с ума, Беннет Эвери! Я серьезно.

– Спасибо, – сказал старик, переводя взгляд на Джонни.

Затем рассмеялся хищным смехом: – И мне кажется, я нашел еще одного сумасшедшего, способного помочь мне раскопать тело Винна. Пара сильных рук мне необходима.

У подножья стены Форта Чарльза украдкой двигалась фигура. На спине был заметен выдающийся мешок. Следуя по периметру крепости, он обогнул первый бастион, потом вто-

рой, потом третий, пока не оказался на склоне, нависшим над морем. Он аккуратно соскользнул к пляжу между камнями и стеной.

Затем сделал несколько шагов и замер.

Внезапно над ним раздался крик.

Он поднял взгляд и увидел, как патрульные солдаты отправились на свой обход. Подождав, пока они удалятся, он двинулся дальше в сторону батареи пушек. Они торчали, словно бронзовые столбы, над поверхностью камней, сглаженных постоянным южным ветром. Забраться на них голыми руками было невозможно. К счастью, он подготовил крепкую веревку, на конце которой был привязан крюк. Он открыл мешок и достал канат.

Прошли двадцать дней с его приезда в Порт-Ройал. Шлюп, который он использовал, никто не заметил, и этого было достаточно, чтобы подкупить местного офицера не подпускать к маленькому пирсу любопытных. Прежде чем отправиться на эту миссию, капитан выразился более чем ясно: необходимо добыть любую информацию о Винне. И ему это удалось. Казнь пирата позволила ему не только выполнить задачу, но и хорошо изучить защитные укрепления крепости.

Он размотал веревку и бросил ее в сторону самой высокой части стены. Металлический крюк ударился о камень, и слабый лязг долетел до уха. Он потянул за веревку. Крюк упал на землю. Он тихо выругался и, остановившись, прислушал-

ся. Никакого шума. Ничто не говорило о том, что его кто-то услышал.

Он снова кинул веревку, наблюдая да траекторией ее полета в сторону стены. Затем потянул ее, и ему пришлось сдвинуться немного, чтобы крюк не угодил в него, падая.

« Я трачу впустую слишком много времени , – со злостью подумал он. – Нужно действовать спокойно и... поторопиться! »

Он взглянул в открытое море. Ночная темнота слилась с черной глубиной воды. Он знал, что где-то там его ждет корабль. Вероятно, капитан наблюдает за ним в этот самый момент. Он представил его, стоящим на корме, с подзорной трубой и ироничной усмешкой на лице.

Он в третий раз принялся кидать веревку, и она, наконец, зацепилась. Через несколько мгновений он услышал болтовню патруля, который делал обход. Он задержал дыхание, надеясь, что они не заметят крюк, воткнутый в камень. Они прошли дальше, удаляясь и ничего не заметив. Тогда он взобрался на стену. Это было нелегко. Мешок на спине был тяжелым и усложнял дело. Он цеплялся за пушки, что встречались ему на пути. Добравшись до парапета, он присел на корточки и втянул веревку.

Форт Чарльз был погружен в тишину. Слышался только крик гвардии. Некоторые из них были пьяны, а лачуги вокруг центральной площади не подавали никаких признаков движения.

В тишине, окутанный мраком он соскользнул со стены. На первом ярусе пушки молча смотрели в открытое море. Он отлично помнил, что под ним были установлены три других ряда, каждая пушка которых была готова к обстрелу. А еще ниже был пороховой склад.

Он заметил все это во время казни. Пара солдат передавала секретную почту в сарай. Потом, во время замешательства, порожденного ужасной смертью пирата, ему удалось подобраться поближе: один из стражников открыл дверь, и он увидел пятьдесят бочек, полных пороха. Англичане и в этом облегчили себе работу: взорвав его, взорвались бы все ярусы, повредив пушки.

«*Нет ничего проще*», – подумал он.

Он прокрался дальше, скрываясь в тени, останавливаясь ненадолго, чтобы убедиться, что за ним никто не идет. Наконец, ему удалось аккуратно спуститься по ступенькам, ведущим на площадь.

Никого из охраны не было видно.

– Может, они внутри, – пробормотал он про себя. Подойдя к сараю, он приложил ухо к двери. Громкий храп был слышен внутри. Не поддаваясь панике, он взялся за кинжал, который был спрятан в сапоге, и вошел.

Внутри помещение было покрыто металлическими пластинами, призванными защитить его при пожаре. Его освещала одна маленькая тусклая лампада, подвешенная к потолку на изогнутом гвозде. Бочки аккуратно стояли по обе

стороны. В глубине помещения спал солдат.

Подкравшись к нему на цыпочках, он в мгновение ока зажал ему рот и вонзил в горло кинжал. Жертва расширила глаза и начала захлебываться. Лезвие проткнуло горло, войдя в трахею и гортань. Потом наткнулась на что-то твердое, видимо, кость. Солдат издал единственный гортанный звук и склонил на бок голову.

– Превосходно, – прокомментировал он и вытащил кинжал. Затем быстро вытер его об куртку и начал шарить в мешке. Оттуда он достал дюжину брусков, соединенных между собой в длинный и узкий шнур. Он аккуратно разложил его на полу и улыбнулся.

В слабом свечении лампы блеснули два золотых зуба.

Джонни был изумлен тем, что Эвери хочет закончить работу в ту же ночь. Бартоломеу пытался вразумить его, но безрезультатно.

– Время пришло, – изрек старик, услышав звук грома, донесшийся издалека, после чего послышался шум дождя. – Никто нам не помешает. А земля будет мягче, легче будет копать.

Так они и решили отправиться в путь.

Португалец будет покрывать парня до его возвращения, потому что если Энни что-нибудь заподозрит, это будет конец всему.

– Будьте внимательны, – прошептал он. – Ради Бога.

Как старик и предвидел, никто им не встретился на пути. И Джонни был рад этому. Мысль о том, что их могут обнаружить, нервировала его.

Пройдя несколько жилых построек, они вышли на пустынную дорогу. На последнем участке она описывала резкий поворот налево. С другой стороны от нее располагалось кладбище, за небольшим ручьем, через который был перекинут мост.

– Это момент истины, – сказал Эвери и решительно ступил на мостик. – Поживей! У нас куча работы.

Перед ними был железный забор, обозначающий границы кладбища. Дверь была открыта, потому они без труда вошли внутрь. Вдоль тропинки стояли грубо отесанные деревянные кресты, а тропинка вела к часовне, построенной в строгом стиле, которого придерживались переселенцы.

Эвери показал на постройку.

– Мы должны войти туда.

– Пиратов хоронят в массовых захоронениях, – тихо заметил парень.

– Ты прав, но сначала мне нужно кое-что сделать.

Они добрались до часовни, над входом в которую висела гравюра на латыни. Джонни на миг остановился, прикрывая глаза от дождя, чтобы прочесть, что там написано. Но его прервал старик, приказав следовать за ним. Дверь издала адский скрип, а темнота, в которую они попали, была тотальной. Но через некоторое время пламя свечи осветило мрак.

– Подержи это, щенок, – передал ему Эвери факел. Он поставил огниво и кремень и склонился над гробами, поставленными один на другой. Потом вытащил кусок материала, в который было что-то завернуто.

– Я принес сюда все инструменты для раскопок. Здесь они в сохранности.

Джонни увидел, как он достал лопаты.

– Проблема в том, чтобы найти могилу пирата, – сказал Джонни.

– Не волнуйся. Губернатор приказал закопать его в отдельную могилу. Я почти сразу заметил ее.

– Не думал, что он такой благородный.

Тот покачал головой и водрузил лопаты на плечи.

– Он это сделал, чтобы выглядеть милосердным после того, что произошло. Хотел сохранить лицо. Ни о каком благородстве речь не идет.

Выйдя из часовни, они спрятались среди деревьев, растущих вокруг нее. Воздух казался тяжелым, пока они продирались сквозь ветви и корни, полные черных предзнаменований. Через несколько шагов земля начала слегка спускаться вниз, а растения исчезли. Также исчезли кресты, а на их место пришли простые надгробия над могилами.

– Вот она! – резко остановился Эвери, показав на могилу в нескольких шагах от них.

Не теряя времени, они принялись за работу. Это было не так просто, потому что земля оказалась холодной и зерни-

стой грязью, и они по щиколотку погрязли в ней. Раскопка заняла массу времени. В какой-то момент Эвери остановился и с трудом вздохнул.

– Продолжи ты, – сказал он, садясь на грязный край могилы.

Парень взялся за лопату. Чем больше он копал, тем сильнее билось его сердце. Прошло еще немного времени, и у него начали болеть руки. Он пытался не сдаваться. Абсурдное возбуждение, его охватившее, побуждало продолжать. Но потом он замер. Земля закончилась. Послышался лязг, будто из-под земли скреблись когти кошки. Воображение заставило его застыть: а что если труп пирата встал, чтобы затащить его с собой?

– Дальше я сам позабочусь, – остановил его Эвери. Из материи он достал некий инструмент, похожий на металлический кол. Один из его концов был заострен и немного изогнут.

Джонни не мог сделать ничего лучшего, чем вылезти из ямы, встать на краю и посветить факелом. Древесина вскоре догорит, им надо было поторапливаться.

Старик спустился в яму, стараясь не поскользнуться. Достигнув дна, он откинул немного земли с краев ящика. Склонившись над ним, он прощупал кончиками пальцев толщину. Казалось, он изучает ситуацию или отдает дань уважения Винну. Почувствовав удовлетворение, он раздвинул ноги и поставил их на стороны гроба, а затем засунул конец

кола между стенками и начал раздвигать их. Скрип досок был ужасным, напоминая звук ломающихся костей. Но обивка потихоньку развалилась, и показалось тело убитого.

Оно было неподвижным, руки прижаты к бокам, шея сломана. Длинные волосы, пропитанные грязью, падали бесформенной массой, закрывая лицо. Натянутая кожа напоминала старую карту, и под ней были видны мышцы и сухожилия. Пальцы были покрыты настоящими когтями.

Когда Джонни их увидел, то испытал новое чувство ужаса. Это были именно те когти, скрежет которых он слышал. Он все еще думал о том звуке, когда что-то заставило его повернуть голову в сторону. Ему в нос ударил невыносимый кислотный запах гнили. Он едва сдержал рвоту, но кишечник его был в смятении, словно в нем что-то перемешивали палкой.

Эвери тоже поморщился и поднял воротник куртки, чтобы закрыть им лицо.

– Как дела, мой друг? – спросил он, поглядев на Винна. Голос его был носовым, почти комичным.

В ответ челюсть пирата начала двигаться под массой волос, будто он пытался что-то сказать.

Глаза Джонни расширились от ужаса:

« О, Бог мой, он еще жив... »

Но изо рта его выскочила крыса. Сначала появился хвост, потом раскрылся рот, и показался сам зверь. Она прошла мимо, удивленная присутствием людей. Моргнув черными

глазками, она покинула логово, скрывшись на дне могилы.

Старик даже глазом не моргнул. Чего нельзя было сказать о Джонни.

– Что мы будем делать? – спросил он. Кручение в его животе усилилось, и он очень опасался, что Эвери попросит его спуститься вниз.

Но тот, напротив, сидел в молчании, подперев рукой подбородок, и раздумывал. Пучки седых волос разметались по бокам, и капли дождя скользили по его лысине.

– Дай мне факел, пока он не погас, – попросил он.

Джонни сделал, как тот сказал. Затем увидел, как Эвери схватил мертвеца за волосы и силой дернул. Голова его изменила положение, и даже если шея не была бы сломана, она все равно бы издала такой скрежещущий звук. На лице по-прежнему виднелась усмешка, а рот, из которого вылезла крыса, был распахнут. Отсутствие языка говорило о том, что его съел грызун. Вокруг рта были все еще видны следы крови.

– Иди сюда! – позвал Эвери. Он воткнул факел в землю. Желтоватый отблеск затухающего пламени создавал тень в одной стороне могилы в форме полумесяца.

Джонни нехотя спустился вниз. На мгновение он потерял из вида мертвеца, потому что Эвери склонился над ним так, что полностью закрыл его. Джонни не видел, что тот делает там. Наконец он отпустил его, и Винн тяжело рухнул вниз.

– И что? – спросил парень.

Старик обернулся и посмотрел на него, протягивая ему открытую дрожащую ладонь. Меж пальцев у него застряли пучки волос. А из морщинистой кожи выглядывал острый глаз пирата. Это была почти идеальная сфера, за исключением небольшого углубления с одной стороны. Казалось, он смотрел на него с невыразимой ненавистью. Затем он поднес ладонь к факелу, позволив свету пройти сквозь нее. Внутри стало заметно зеленое свечение. Если раньше оно казалось тонким лучом света, то теперь этот свет вспыхнул, словно небольшой солнечный луч.

– О, мой Бог! – воскликнул Джонни, открыв рот от изумления.

– Что я тебе говорил! – произнес Эвери. Затем он открыл рот, чтобы сказать еще что-то, но так и не смог вымолвить ни слова.

Внезапно со стороны залива раздался оглушительный взрыв, после чего в небо поднялся столп огня, похожий на гигантское щупальце кальмара. Затем с той стороны раздались крики ужаса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕРНАЯ БОРОДА

Когда грянул взрыв, Роджерс спал.

После встречи с губернатором он провел остаток вечера в своей каюте. Растянувшись на койке, он принялся следить за гипнотическим колебанием пламени факела, висящего над головой, движимого прибором, который слегка покачивал корабль. Постепенно он погрузился в сон, убаюканный стуком дождя по стеклу. Едва раздался взрыв, он проснулся, распахнул глаза и резко вскочил как раз вовремя, потому что дверь в каюту распахнулась.

На пороге возник запыхавшийся Хусани.

– Капитан! – воскликнул он, покрываясь потом. – На нас нападают!

– Нападают? – повторил Роджерс.

– В открытом море появилось судно. Потом раздался грохот в Форте Чарльз. Там все горит.

– Что за судно?

Здоровяк проговорил в нерешительности:

– Черный парусник, капитан. Я не могу сказать с уверенностью... Но кажется, это...

– Говори! – приказал корсар, заправляя рубашку в трико.
– Ты хочешь, чтобы мы потеряли кучу времени?

Несмотря на то, что между ними была огромная разница в размерах в пользу Хусани, тот отступил, опасаясь, очевидно, неожиданной и жестокой реакции.

– Это... я боюсь... что речь идет о «*Мести королевы Анны*».

Роджерс, словно его бес попутал, схватил сапоги и бо-сой выскочил из каюты. Оказавшись на палубе, он увидел остальных членов экипажа, которые носились повсюду, словно помешанные. О'Хара шел ему навстречу, пытаясь спросить его, что происходит. Но Роджерс его проигнорировал. Он бросился к правому борту, повернутому к бухте.

То, что он увидел, привело его в ужас.

Из Форта Чарльза поднимался черный маслянистый дым. Стены с южной стороны, объятые пламенем, были на грани обрушения. Пушки невозможно было использовать, они были поломаны и бесполезны, раскаленные окутавшим их огнем. Склад тоже начал гореть.

– Капитан! – показал кто-то вдаль. – Там внизу!

Роджерс посмотрел в указанном направлении и вздрогнул. Несмотря на плохую погоду на черной поверхности моря показался черный силуэт судна, тень среди теней. Он казался неподвижным, ни один факел не горел на нем, что не позволяло предсказать его маневры. Единственным источником света было бледное лунное свечение, игравшее на амбразурах между верхней палубой и нижней. Не было необходимости считать амбразуры, так как Роджерс знал, что «

Месть королевы Анны» имела сорок штук с каждой стороны. Впечатляющая цифра, если сравнивать с тем, что у «*Делиции»* была лишь половина от этого.

– Тич, – проговорил он, поднося руку к изуродованной щеке.

Послышатся новый грохот.

На ветру засвистели пушечные ядра, взрываясь у берега. Некоторые попали в воду, подняв в небо тысячи брызг. Затем наступила мимолетная тишина, затем новый залп, в этот раз вблизи крепости.

«*Они прицеливаются»*, – подумал Роджерс.

– Быстро! – крикнул он. – Тащите подзорную трубу!

Позади него возник матрос, принесший с собой инструмент. Роджерс схватил его в руки и начал исследовать горизонт. Если бы не пушки, он мог бы сказать, что на корабле никого нет. Но на палубе были видны крошечные фигуры, которые появлялись и исчезали, словно призраки, сопровождаемые вспышками молнии. Он исследовал корму и нос корабля. Никаких следов Черной Бороды. Тогда его взяло сомнение. Он направил подзорную трубу вниз, на борозды в воде – следы от лодок.

Вот они, движущиеся в тишине в сторону крепости, где берег становился низким и песчаным, приближаясь к городу.

– Спускайте лодки, – приказал Роджерс, бросаясь к левому борту. – Быстрее, идиоты!

Ядро попало в «*Делицию»*, врезавшись в каменную сте-

ну рядом. Густая пыль взметнулась в воздух, заставив его задрожать.

« Они смещаются, – в ужасе подумал Роджерс. – Они хотят окружить бухту и предать огню док ».

– Приказывайте, капитан! – крикнул матрос.

– Спускайте шлюпки, говорю я вам! – настаивал он.

– Они стреляют повсюду, – возразил тот.

– Так мы будем в безопасности, – Роджерс не привык поддаваться страху, но в тот момент был в смятении. – Если мы уйдем в море, они разобьют нас на куски. Проход слишком узкий, чтобы совершать обходные маневры.

На корабле тут же возникла суматоха. Шлюпки были спущены за борт. Корсар натянул сапоги и спустился в первую же лодку, продолжая раздавать указания направо и налево. О’Хара был с ним.

– Послушай меня, – сказал Роджерс, поворачиваясь к Хусани, стоящему на палубе. – Подними паруса, но стой на якоре. Мы должны быть готовы к погоне за « Местью королевы Анны », если понадобится.

Африканец кивнул.

Шлюпки на хорошей скорости начали отдаляться. Роджерс сидел на носу и подстрекал гребцов плыть как можно быстрее.

– По-твоему, зачем он явился? – спросил его ни с того ни с сего О’Хара.

– Тич никогда не напал бы на Порт-Ройал, – ответил тот. –

Это очень рискованно, – он на миг замолчал, мысли с бешеной скоростью проносились в голове. – Он мог явиться сюда только по одной причине: может, он узнал о Винне.

Шлюпка коснулась земли, на которой возвышалась крепость. В той части залив образовывал острый угол, покрытый камнями.

– Направляйтесь туда, – приказал Роджерс.

– Мы рискуем разбиться, капитан, – возразил один из гребцов. – Течение слишком сильное. Нас выкинет на камни.

– Это именно то, что нам нужно. Используем течение, чтобы набрать скорость и высадиться в этой точке, – показал он пальцем на берег. – Пробьемся сквозь пирс. Лодки Черной Бороды уже приплывут туда. Нам нельзя терять время!

– И что ты будешь делать, высадившись? – осведомился О’Хара.

– Искать этого ублюдка и возвращать ему должок, – в который раз прикоснулся Роджерс к своей паутине шрамов. Странная улыбка появилась на его лице.

Как и было приказано, лодки направились к указанному месту. Экипаж был подобран течением, хотя гребцам удавалось сохранить равновесие. Вокруг них продолжали свистеть ядра. Крепость была беспомощной во власти вражеского огня. Берег бастиона оказался под ударом и был разрушен. Потом пришла очередь сторожевой башни. Она взорвалась каменным столпом, и часть обломков полетела в море.

– Ты убьешь нас, – вскрикнул О’Хара.

Роджерс с трудом смог его услышать. Теперь он не сомневался: «*Месть королевы Анны*» служила в качестве приманки. Под своим огненным прикрытием он позволял пиратам Черной Бороды действовать без помех. Но с какой целью?

– Внимание! – крикнул гребец.

Новое ядро полетело в Форт Чарльз. Кусок зубчатой стены взлетел в воздух, вращаясь вокруг своей оси. Потом полетел прямо на шлюпку, разбив ее на две части, и матросы оказались под водой, увлекаемые течением.

Ледяное молчание охватило присутствующих, сопровождаемое взрывами и криками. Достигнув излучины, они вылезли на землю. Картина, представшая их глазам, вызвала обезоруживающий ужас: люди бежали к берегу в поисках убежища на кораблях, стоящих на якоре. Солдаты тщетно пытались сдержать их, некоторые из них были атакованы и скинуты в море. Портовая зона, прилегающая к крепости, горела.

– За оружие, – вытащил Роджерс саблю. – Они попытаются убить губернатора, – посмотрел он вокруг, направляясь в один из переулков. Он собирался достигнуть резиденции, как можно скорее. – Сюда!

Они бежали по извилистым улочкам порта, повсюду им встречались отчаявшиеся люди в попытках бегства. Даже солдаты были объяты паникой. Видимо, они никак не ожидали такой точной и жестокой атаки.

Добежав до перекрестка, они оказались на площади, раз-

мытой дождем. В нескольких шагах от них возвышалась церковь – строгая постройка из дерева. Если огонь доберется до нее, то он распространится на близлежащие дома и охватит весь город. Но это Роджерса не заботило. Жестом руки он приказал своим людям укрыться за углом здания.

– Что происходит, капитан? – спросил один из членов команды.

– Смотрите, – ответил Роджерс и показал вперед.

Дверь церкви была распахнута. Оттуда вывалились гурьбой люди. Они размахивали саблями, ножами, топорами и пистолетами, сопровождая группу жителей и полдюжины обезоруженных солдат.

– Какие идеи? – спросил О’Хара.

– Они пойдут в сторону рынка, – сказал Роджерс. – Кто-то останется в лавках, чтобы ограбить их в поисках провизии. Биться открыто слишком опасно. Мы рискуем быть окруженными. Посмотрим.

Некоторые пираты смотрели на заложников равнодушно, другие, напротив, пихали друг друга под локоть, смеясь. Их заставили встать на колени в центре площади. Из группы вышел человек настолько низкого роста, что был похож на гнома.

– Приведите его! – закричал он.

Откуда-то донесся болезненный стон. Потом притащили мужчину в сутане. Роджерс не представлял, кто это был, но он знал, что единственным священником колонии был отец

Маккензи, который исповедовал Винна перед казнью.

– Если Вы не захотите говорить, мы будем вынуждены причинить боль этому стаду заблудших овец, – принялся нервно ходить человек на своих коротких ножках. – Человек Вашего морального положения не может допустить, чтобы это случилось, верно?

Пираты начали смеяться.

– Поэтому, – продолжил тот, – почему бы Вам не рассказать, что рассказал Вам Эмануэль Винн? Я уверен, что человек перед смертью хочет многое сказать.

– Я вам уже сказал... – попробовал возразить Маккензи.

Последовал выстрел, и один из солдат упал в лужу позади себя. Часть черепа исчезла. На его месте пульсировала кровоточащая масса мозга.

– Правильно, это предупреждение, – не без удовлетворения изрек человек. – Мое терпение имеет лимиты.

– Он был сумасшедшим! – вскричал святой отец, впадая в истерический кризис. – Пожалуйста, прекратите!

Коротышка не обратил на него никакого внимания и вызвал одного из толпы, пробормотав что-то. Второй пират кивнул и подошел к узникам. Он начал ходить между ними, пока не увидел ребенка, который обнимал за шею свою мать. Страшная улыбка исказила его лицо. Он схватил его, пнув женщину.

Карлик направился к своим, таща ребенка. Парадоксально, но тот был выше его.

– По причине Вашего упрямства Вы будете повинны в смерти ни в чем не повинного ребенка, отец. Вы готовы принять на себя такой вес? Что скажет Ваше сознание?

– Хватит, Крук!

Приказ грянул словно выстрел, заставив Роджерса побледнеть. Он почувствовал, как сжался от ужаса его живот. Все фибры его тела наполнились адреналином. Он опустил взгляд на свои руки. Они дрожали.

«Этот голос... – подумал он. – Я узнал бы его повсюду».

– Капитан? – позвал его О'Хара.

Он обратил взгляд на вход в церковь, вглядываясь в темноту, скрывающую его. Тени, дрожащие, как раскаленный воздух жаркого дня, превращались в ясно очерченную фигуру.

– У нас тоже есть достоинство, – сказал мужчина, появляясь на пороге. Его голос происходил прямо из недр ада.

Он был высоким, мощным, почти величественным в своем образе. На нем было надето длинное черное пальто, перехваченное на талии бордовой лентой. На плече висела кожаная повязка с парой пистолетов. Длинная густая борода, черная, как смола, обрамляла лицо, частично теряясь в облаке дыма, который вырывался из нескольких зажженных фитильков под треуголкой, увенчанной копной черных вороньих перьев. Под ними виднелись жесткие глаза, сверкающие словно лед. В правой руке он держал саблю.

Наконец появился сам Черная Борода.

Ситуация ухудшалась, Джонни понимал это, глядя на выражение лица старика: смертельная бледность делала его похожим на привидение, и эффект усиливался сдвинутыми бровями.

С той позиции, где они находились, он не мог ясно разглядеть бухту, но бледный красный ореол, который был над ней, не оставлял сомнений. Постепенно Джонни почувствовал, как страх внутри него перерастает в немой ужас.

– Мы срочно должны убираться отсюда! – резко схватил его Эвери за руку. – Мы уже не в безопасности.

Джонни уставился на него, не понимая, о чем тот говорит. Тысяча мыслей ворвалась ему в голову, создавая там беспорядок, порождая страх смерти.

Но среди всех одна мысль была сильнее.

– Мне надо вернуться к моей матери! – закричал он, выскободился из рук старика и скрылся в деревьях. Пару раз он споткнулся о корни, рискуя упасть в лужу, но с отчаянной силой он сохранил равновесие и остался на ногах.

Нужно было бежать.

Бежать и все.

Это единственное, что было важным.

Он пробежал мимо часовни и покинул кладбище, направившись к мосту, но на середине он в нерешительности остановился. Он заблудился. Что же делать?

« Я не могу ее оставить,» – сказал он сам себе. Чувство

растерянности пугало его, будто он видел все сквозь деформированную призму.

– Подожди! – послышался сзади голос Эвери.

Джонни вздрогнул и обернулся. Он увидел, как Эвери ковыляет в его сторону. Когда тот достиг его, Джонни бросился ему на шею и принялся рыдать. Потом почувствовал, как тот взял его за плечи. Несколько секунд Джонни не мог поднять глаза и смотрел в грудь старика.

– Слишком опасно возвращаться назад, – сказал он решительно.

– Я прошу тебя, – поднял парень голову. Щеки его были мокрыми от слез. Он едва двигал губами. – Я должен вернуться к ней. Позволь мне.

– Не могу.

– Ты не понимаешь.

– Конечно, я понимаю.

– Нет! – отчаянно воскликнул Джонни. Лицо его исказилось гневом, и он снова попытался вырваться из его рук.

– Брось! – закричал Эвери и дал ему пощечину, оставив на щеке красное пятно. Джонни раскрыл рот, уставившись на него с чувством еще большей ненависти и недоверия. – Если с тобой что-то случится, я никогда не прощу себе этого! – тон его изменился, в нем появились защитные оттенки. – Я дал обещание твоей матери.

Джонни хотел спросить его о чем-то, но у него не осталось сил. Это признание ошеломило его. Он почувствовал, как в

животе что-то сжалось, сердце забилося быстрее, а колени стали ватными.

– Примерно через два месяца после исчезновения твоего отца, – сказал старик, – Энни пришла проведать меня. Она сказала, что Барт рассказал ей всю правду о нашем прошлом. Она попросила меня позаботиться о тебе в случае необходимости.

Слезы Джонни потекли быстрее.

– Почему вы ничего мне не сказали?

И снова этот тон, еще более мягкий, чем раньше.

– Мир не самое лучшее место, верь мне. Я видел много мест, и ничто не заставило меня изменить мое мнение. Ты не готов противостоять ему. С тех пор, как я знаю тебя, я вижу в тебе боль и злость, которые готовы взорваться с минуты на минуту. Если ты хочешь выжить, ты должен научиться использовать их.

– Что ты можешь знать о том, что я испытываю? – возразил парень. – У тебя всегда одни оправдания!

– Мне жаль, что ты так думаешь.

– Тогда скажи, что мне делать?

Эвери протянул руку, чтобы потрогать его щеку, но Джонни резко уклонился.

– Для тебя настал момент стать мужчиной. Ты должен... – Эвери нахмурил лоб. Клубок морщин испещрил его коричневую кожу. Он засунул руку в карман и пошарил там.

– Что ты делаешь? – любопытно спросил Джонни, пытаясь

сохранить самообладание.

– Происходит нечто странное, потому ты должен сохранить это, – сказал старик и вложил ему в руки стеклянный глаз.

– Я... – парень остолбенел, увидев свет, исходящий изнутри глаза, неподвижного, как застоявшаяся вода.

– Пообещай мне это! – воскликнул старик. Он попытался согнуть колени в скрипучих суставах, чтобы оказаться лицом к лицу с Джонни. – Если что-то пойдет не так, ты должен будешь сохранить его. Когда эта история закончится, мы вернемся и найдем твою мать. Барт отличный парень. Я уверен, что он позаботится о ней.

Джонни кивнул, сам не понимая, почему. Ему показалось, что его бросили в тело кого-то другого. Его взгляд затерялся в пульсирующем зеленом глазе. Он звал его к себе, притягивая смутными обещанием чего-то, что Джонни был не в состоянии понять.

Дождь вскоре прекратился.

Но Роджерс почти не заметил этого. Его внимание было приковано к Тичу: он преодолевал расстояние, отделявшее его от священника, медленными, ритмичными шагами, будто хотел усилить торжественное впечатление от своей походки.

– Вера несет свет, отец, – произнес он, подойдя к святому отцу. – Но есть тьма, которая может ослепить.

– Ради Бога, – промямлил Маккензи. – Сжальтесь.

– Жалость – мое второе имя, – иронично ответил пират.

– И я хочу доказать это, сохранив жизнь этому ребенку. Как я упомянул ранее, у нас тоже есть достоинство, – он сделал знак, и карлик освободил пленника, который вернулся в объятия своей матери. – Но за это вы должны сделать мне одолжение.

«*Мерзкая собака!*» – Роджерс едва сдержался, чтобы не произнести это вслух. Новая волна злости накрыла его. Что его больше всего бесило в Тиче, так это удовольствие, с которым он играл со своими жертвами. О’Хара схватил его под локоть.

– Сохраняй спокойствие, – прошептал он. – Мы пришли сюда не за тем, чтобы он убил нас.

Корсар был согласен. Выйти из укрытия было бы катастрофой. Он бы потерял контроль над ситуацией, рискуя быть уничтоженным командой Черной Бороды. Он должен был действовать аккуратно.

Меж тем Маккензи больше не сдерживал стона.

– Винн ничего мне не сказал. Это правда! – сдавленно воскликнул он.

– Я бы хотел верить Вам, – произнес Тич. – С другой стороны, я не считаю Вас настолько глупым, чтобы Вы могли рисковать всеми этими невинными жизнями, – обвел он широким жестом людей, будто желал обнять их всех сразу.

– За долгую жизнь, капитан! – выкрикнул из толпы кто-

то из команды и рассмеялся.

Черная Борода лишь ядовито улыбнулся.

– По этому поводу я решил освободить всех граждан, – он посмотрел на каждого загадочным взглядом, горящим сквозь дым, окутывающий его лицо. – Можете идти.

Присутствующие с ужасом переглянулись. Роджерс знал, что пират может лгать. По крайней мере, это нужно было иметь в виду. От этого типа можно было всего ожидать.

Эдвард Тич покачал головой, изображая разочарование человека, который не ожидал такого поведения. Он взял пистолет и направил на узников.

– Я не собираюсь повторять! – крикнул он.

Площадь заполнилась резкими криками не то ужаса, не то благодарности. Женщины кричали, дети плакали, а мужчины, ругаясь, протискивались вперед в поисках пути к бегству.

– Я еще раз повторяю, что и у нас есть достоинство, – произнес Черная Борода. Затем повернулся к Маккензи. – Посмотрите на ваших верующих, – показал он пистолетом на одного из убегающих парней, который, спасаясь, пнул женщину, заставив ее упасть в грязь. Она взмолилась о помощи, но никто даже не пытался ей помочь. – Я не выношу трусов.

Крики прохожих заглушил выстрел.

Пуля попала парню прямо в спину и отбросила его на метр вперед. Он пару раз вскрикнул, хватаясь за воздух, чтобы не упасть. Тич подошел к нему, убирая оружие и посвистывая.

Затем пронзил его саблей.

– Вот он, гнев божий! – прогремел голос пирата.

Маккензи зажмурил глаза и склонил голову. Плечи его поднимались и опускались, сопровождаемые рыданием.

– Я умоляю Вас, прекратите! – пробурчал он. Его голос был похож на голос того, у кого набит рот едой. – Я уверен, что Господь сжалится над вами.

Роджерс почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Несмотря на то, что он получил образование в стране со здоровыми принципами, он оставил ту жизнь ради жизни морской. Но он не мог подавить свою неприязнь к возмутительному поведению Тича.

– Пришел момент вмешаться, – сказал он, повернувшись к своим.

О’Хара кивнул.

– Что ты собираешься предпринять?

Он указал на три узкие улочки в стороне от той, где они находились. Две из них огибали церковь, а третья шла чуть в стороне.

– Окружим их, – ответил он. – Черная Борода дал нам огромное преимущество, позволив узникам уйти. По крайней мере, они не будут путаться у нас под ногами, – он принялся изучать ситуацию. Почти в самом центре площади солдаты стояли на коленях под надзором флибустьеров. – Что касается солдат, они клялись умереть за родину. Потому это не наша проблема. Разделитесь на три группы и окружи-

те дома. Я останусь здесь.

Его тон был ледяным, возражать ему не было возможности.

Но О'Хара не подчинился.

– Ты подвергаешься большому риску, оставаясь в одиночестве. Лучше, если я останусь с тобой.

Корсар задумчиво взглянул на него.

– Я бы предпочел, чтобы ты отошел на изолированную улицу. Это отличный путь к бегству. Если они вздумают бежать, мы нагоним их без труда.

Новый крик ужаса привлек их внимание. Роджерс увидел, как его команда направилась в трех указанных направлениях. Потом повернулся к площади. Тич вернулся к Маккензи и взял в руки его голову. Почему-то Роджерсу показалось, что он собрался раздавить ее словно виноград. Забавная мысль, на самом деле, но его она наполнила ужасом.

– Что Вы хотите? – уставился священник на пирата расширенными недоверчивыми глазами.

– Хочу поиграть, – ответил тот, и на губах заиграла тень улыбки.

– Не понимаю.

– Позвольте объяснить, – пират убрал руки и принялся спокойно ходить, меряя шагами пространство между священником и группой солдат. – Я говорил серьезно, когда сказал, что поверил тому, что Винн не рассказал Вам ничего.

Маккензи, казалось, успокоился.

– Но я уверен, что Вы все равно можете быть мне полезным, – сказал он. – Вы его исповедовали и отпускали грехи. Поэтому Вы знаете, где он захоронен.

Просьба Черной Бороды привела Роджерса в глубочайшее изумление. Его появление в Порте Чарльза было связано с казнью француза, это было несомненным. Если он искал карту, то он, разумеется, не найдет ее у казненного. Потому он задавался вопросом, что нужно было этому пирату?

Медленно и осторожно Роджерс скользнул за бочку. Обнаружить сейчас свое присутствие было подобно смерти. Он прислонился спиной к доскам и сосредоточил все внимание на происходящем.

– Вперед, отец, – послышался громкий голос Тича. – Поскольку ночь длинна, у меня нет времени проверять все могилы.

Маккензи отвел взгляд, что заставило пирата шумно рассмеяться.

– Хорошо, – сказал он. – Пока Вы думаете, я объясню, в чем заключается игра, – и он приказал команде окружить солдат. Потом произнес: – В реальности правила игры просты. У Вас три минуты времени, начиная от настоящего момента, – он достал часы и посмотрел на них. – Если Вы скажете мне, где могила, мои люди выстрелят по солдатам. В противном случае я пристрелю Вас. Что будете делать? Сохраните жизнь этим людям, пожертвовав своей? Или...

– Вы монстр, – в слезах прошептал священник.

– Я бы назвал себя практичным человеком, – возразил он.
– Тем не менее, у Вас в распоряжении более двух минут.

Солдаты начали наступать на Маккензи, настаивая на том, что он должен спасти их жизни. Священник безудержно рыдал и казался крошечным в своем темном одеянии. Он напоминал таракана, которого собирались раздавить. Над всеми возвышалась мощная фигура Черной Бороды.

– Минута, – заявил он.

«Где вы?» – Роджерс начал кусать губы. Напряжение его изнуряло. На миг он даже подумал выйти из укрытия.

– Время истекает, – настаивал Тич.

И снова паника.

Солдат попытался бежать. Ему удалось сделать несколько шагов, но его настигла пуля мушкета. Он упал на землю. Его просьбы были бесполезны. Кто-то его пристрелил. Его вскрик был абсурдно громким, а затем он неподвижно растянулся на растекающейся под ним луже крови.

– Остаются тридцать секунд, отец, – подстрекал его Черная Борода, принявшись за обратный отсчет торжественным тоном, чтобы сильнее подчеркнуть серьезность ситуации.

– Есть каменное надгробие, – внезапно произнес Маккензи. – Рядом с ним могила, за часовней, – он указал дрожащим пальцем на улочку. – Кладбище находится там.

Толпа замолчала. Роджерс затаил дыхание. Только Тич изменился в лице. Шнуры, привязанные к треуголке, погасли, утончая дымку. На лице засверкал голодный взгляд.

– Очень хорошо, – пробормотал он и бросил взгляд на экипаж. Приказ был выполнен без необходимости произносить хоть слово.

Залп выстрелов обрушился на солдат, подкосив их, словно яростная буря. Воздух наполнился ржавым запахом пороха, отвратительным и разреженным, который резко контрастировал с запахом дождя.

– Что касается Вас, – продолжил Черная Борода, педантично указав на него пальцем, – Вы знаете, что я всегда храню обещания. Единственная проблема в том, что Вы предпочли пожертвовать жизнями других, чтобы сохранить свою. И Вы знаете, как сильно я ненавижу трусов.

Маккензи увидел дуло пистолета в нескольких сантиметрах от своего лица. Он начал дрожать, беззвучно двигая губами.

– Хорошего путешествия, – произнес Эдвард Тич и нажал на курок.

Череп священника взорвался, словно глиняный горшок, и сотни осколков вылетели из его головы. Он обернулся вокруг себя, продолжая смотреть на Черную Бороду с полным недоверием.

– Ты действительно человек чести, капитан, – неожиданно раздалась саркастическая реплика незнакомца, спрятанного в тени, повисшей между двумя домами. Пираты подпрыгнули, доставая оружие. Роджерс тоже вздрогнул. Чистый голос застал врасплох.

– Хардрейкер! – воскликнул Черная Борода. – Черт меня подери! Ты воскрес из мертвецов!

Услышав свое имя, мужчина вышел под луч факела. Он улыбался. Золотой блеск двух зубов сверкал между распахнутыми губами.

– Было непросто уйти из Форта Чарльза, – начал он объяснять. Он взмахнул руками сверху вниз, указывая направление, откуда пришел. Вертикальный разрез пересекал его левый рукав куртки, затянутый повязкой поверх локтя. На повязке виднелось кровавое пятно. У одного из сапогов был разорван мысок, из которого торчал большой палец. – Солдаты Порта-Ройал – гордость британского морского флота, они были больше заняты пожаром, чем мной.

Раздался громкий взрыв смеха.

Тич, напротив, убрал пистолет и направился к пришедшему.

– Бери несколько человек и беги на кладбище. Найди могилу Винна, – произнес он, потом добавил сухо: – И принеси мне его глаз. Я меж тем вернусь на борт «*Мести королевы Анны*». Мне нужно подготовиться к отплытию на остров Калинаго, – он положил руку на плечо компаньона и усмехнулся: – В этот раз мы найдем его, Виктор.

«*Это, видать, помощник капитана*» – догадался Роджерс. Это было ясно из доверительного тона, с которым Черная Борода обращался к нему. Несмотря на их обмен шутками, он не мог найти ответы на многие вопросы, которые

роились в его голове. Почему Тич хотел знать, где находится могила Винна? Что это за глаз мертвеца, о котором шла речь? На мгновение он даже подумал, что плохо расслышал сказанное, но когда увидел, что человек по имени Хардрейкер исчез в направлении, указанном Маккензи, он понял, что ситуация быстро меняется.

Тогда Роджерс решил, что не может больше ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.